

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

НА ПОРОГЕ ТЬМЫ

АНДРЕЙ КРУЗ,
МАРИЯ КРУЗ

СТРАННИКИ

Annotation

Миров и их версий бесконечно много, но есть закономерности, которым подчинены путешествия между мирами. Разные люди пытаются разобраться в этих закономерностях и использовать новые знания. Тоже по-разному, творя добро или самое черное зло. И каждый обретает от дел своих кто что заслуживает. А Владимир Бирюков по-прежнему пытается найти мир, в котором ему с любимой женщиной будет просто хорошо. Где их хотя бы не будут преследовать охотники за их знаниями.

Андрей Круз, Мария Круз
Странники

Четыре лопасти «белла» рубили воздух над головой, с присвистом гудела турбина, под брюхом машины неторопливо плыла земля. Обычно открытые, сдвижные двери в борту на этот раз были закрыты наглухо, для улучшения аэродинамики и экономии топлива, так что в кабине было тихо, особенно в наушниках, массивных и плотно прилегающих к голове.

Если снять все лишнее, вроде пулеметов на турелях и сидений пулеметчиков, что стояли в этих самых дверях, и поставить два дополнительных бака «Робертсон» по семьдесят пять галлонов каждый, то этот «твин хьюи» вполне успешно летит почти так же далеко, как и тот «твин оттер», что обогнал нас совсем недавно. Ну, почти так же, на четыреста двадцать морских миль. Вылетели мы раньше, но самолет все же быстрее, так что минут пять назад он пронесся над нами, издевательски покачав крыльями. Но это мы чуть позже посмотрим, кто тут самый ценный член экспедиции и кому чем можно гордиться.

Справа от меня сидит Брайан, пилот, который заодно и за инструктора, то есть еще и я попутно учусь управлять этой вертушкой, но мы оба понимаем, что «инструктор» на самом деле знает ненамного больше «ученика». А если считать налет на самолете, то я этого «инструктора» по всем статьям за пояс затыкаю. Но других у нас нет, а Брайан недавно вернулся с пилотских курсов в Вайоминге, где отлетал требуемый лимит и оказался лучшим в выпуске. А потом мне удалось вытребовать пилота в отряд, и этим пилотом оказался Брайан. А вторым пилотом, на маленьком «робинсоне», там и вовсе я. И теперь мы с Брайаном учим друг друга управлять этими машинами, чтобы хоть какая-то взаимозаменяемость была.

Как бы то ни было, машину сегодня ведет Брайан, а я за второго пилота сижу, в правой «чашке», как, помню, называли свои места пилоты «восьмерок» в Афганистане. Мы с Брайаном словно бы коллективный разум, пытаемся из двух новичков изобразить подобие одного опытного пилота. Но летим пока без проблем и происшествий, чему очень способствует солнечная и безветренная погода. За бортом натуральная благодать, а небо чистое такое, что даже не верится.

Три часа полета, а пейзаж почти и не менялся. Сначала тянулась Канадская Альберта, теперь под нами Северная Дакота, но все по-прежнему: плоская земля, покрытая почти уже заросшими прямоугольниками полей, а между ними разбросаны редкие опустевшие городки и куда более частые фермы, тоже пустые. Хотя вру, в паре мест мы какую-то активность наблюдали, даже трактор в поле что-то делал, поднимая за собой шлейф прозрачной серой пыли. Пару раз мы замечали мутные пятна, в городках, разумеется, но даже их было совсем немного. Именно что пару раз. Банды как-то больше сконцентрировались в направлении на Монтану и к западу от нашего анклава, отдельные анклавы местных тоже, а здесь если кто и жил, то, похоже, принципиальные одиночки. Или «синдромники» из неагрессивных, которые просто стараются держаться подальше от других людей. Среди «синдромников» таких немало, в сущности, хотя и другой твари среди них хватает – натуральных убийц и психопатов.

Синдром возвратного бешенства, RRS, если по-местному, проклятие этого полумертвого мира – следствие Эпидемии. Эпидемии Суперкори, которая убила этот мир, а если точнее, то девятерых из каждого десятка живших в нем. Цивилизация вроде бы давно научилась бороться с эпидемиями, и в нормальных странах были для этого все инструменты, но...

такой болезни еще не случалось. Самым страшным в ней оказался инкубационный период продолжительностью шесть, в среднем, месяцев, во время которого носитель инфекции становился заразным, но никаких симптомов болезнь еще не проявляла. И когда Суперкорь ударила по-настоящему, сопротивляться ей было уже поздно. Потому что заражены были все.

Суперкорь, если не убивала сама, приносила с собой энцефалит, и тот убивал уже почти наверняка. И если человек все же выживал и после энцефалита, то как раз и получал этот самый Синдром, как его все называли, потому что расшифровывать, что ты имеешь в виду, вовсе не требовалось. Синдром теперь был один. The Syndrome. В чем проявлялся? А что-то там в мозгу работало не так, выделяя не те вещества, не в то время и не туда, куда нужно, и в результате у человека, словно давление в котле, где-то внутри мозга постепенно зрел взрыв буйного, кровожадного, агрессивного бешенства. И сорвать эту растяжку могла, чем дальше, тем проще, любая провокация. Вид крови, громкий крик, что-то еще – что угодно могло вызвать приступ. И тогда лучше бы не находиться рядом с больным, пока приступ не пройдет. Потом человек будет обессилен и в общем-то безобиден, но это потом. Довелось мне столкнуться с такой вот «синдромницей», в сущности очень хорошей и доброй женщиной, – насмотрелся. Ну и просто еле уцелел, могла и убить.

Но это не самое страшное, это просто больные люди, к которым кроме сочувствия, ничего не испытываешь.

А вот дальше... дальше «синдромники» поделились на несколько категорий. Некоторые, как Лора Джин, которую я встретил в опустевшем отеле в горах Колорадо и с которой отпраздновал Рождество, старались жить подальше от людей, как-то сами провоцируя у себя приступы и сами же их переживая. Тогда приступ был вызван порезом на пальце, а я просто некстати оказался рядом, да еще, в отличие от других людей, вел себя по-идиотски, потому что ни о каком Синдроме никогда не слышал, это сама Лора Джин растолковала мне все после.

Некоторые же «синдромники» узнали, что приступа можно вообще избежать, если... если вообще вести себя как кровожадный осатанелый маньяк. То есть ты убиваешь сам – и никаких приступов. Более того, у таких «синдромников» и сам Синдром начинал работать по-другому, выбрасывая эндорфины, «гормоны счастья», тогда, когда носитель убивал, например. Лошадиными дозами, до полного кайфа. А если убивал он долго и мучительно, то и эндорфинов было больше. То есть у таких больных появлялась самая настоящая, наркоманская, зависимость от творимых зверств. И вот именно такие «синдромники» сбивались то ли в банды, то ли в стаи, и что они творили – даже описать не всегда получается.

Хотя... думается мне, что для того, чтобы стать именно таким больным, надо все же иметь какую-то гнилую червоточину в душе, такую черную дыру, через которую Тьма подкрадется к твоему сознанию. Синдром все же не сам менял человека, он больше отпускал на волю то, что в нем было заложено изначально, как мне кажется. Ведь та же Лора Джин вовсе не искала компании таких вот собратьев, а, наоборот, держалась от них подальше.

Как бы то ни было, а такие группы «синдромников» составляли костяки новых банд, а то и банды целиком. Банды отличались совершенно невероятной, изуверской кровожадностью, проявляемой иногда даже иррационально, в ущерб самим себе, потому что жажда крови и убийства перевешивала все остальные инстинкты, даже самосохранения подчас.

В основном эти банды концентрировались в Монтане, в прилегающих к Монтане

областях Канады, в Северном Вайоминге, в Айдахо. Нет, были они и в других местах, но именно там была самая настоящая «индейская территория», где угроза потерять скальп была не фигурой речи, а повседневной реальностью. Банда «Скальпов», например, себе название взяла от такой своей нехорошей привычки – скальпировать пленных. Вроде как у них фирменный знак.

А вот здесь, на землях, над которыми мы летим, банд вроде бы нет. По крайней мере мы о них ничего еще не слышали, хотя информацию собираем по долгу службы, так сказать. Мало кто уцелел, не хватает ни нормальных людей населить всю территорию страны – именно поэтому так называемая Федеральная территория объединила лишь самые южные штаты, – ни бандитов, чтобы беспердельничать там, куда не дотягивается сильная рука. Есть места, где просто не живет никто. Разве что те, кто специально таких мест ищет. Вот как здесь, под нами.

Но как бы то ни было, банды для нас в списке угроз первым номером не числились. Для нас, чужих, то есть людей, провалившихся в этот дырявый и пораженный Тьмой мир из других слоев действительности, главной угрозой были «синдромники» третьего типа – это те, которые стремились жить как все нормальные люди, мирные и безобидные. Потому что им нужна была сыворотка, регулярные ее уколы, которые снимали все симптомы RRS. Колись вовремя – и ты живешь как нормальный человек. Федеральная власть такой сывороткой обладала, и за счет этого множество больных могли вернуться в общество, к нормальной работе и нормальной жизни. Одна лишь проблема – единственным источником этой сыворотки была кровь изначально иммунных к Суперкори чужих, то есть наша.

«Синдромников» было много, только «нормальных» было около ста тысяч, кажется, а то и больше, так что мы как бы превратились то ли в дичь для уцелевшей части Соединенных Штатов, то ли в какое-то ходячее сырье для фармацевтов.

Нет, понятно, что все это местные старались делать цивилизованно, никого там в клетках не держали. Попавшимся чужим выделили в вечное пользование пару островов из цепочки Флорида-Киз, натуральный рай на земле, им платили пособие, такое, на которое можно было и вовсе не работать, и вообще делали для них что могли... при условии, что те никуда не убегают и сдают требуемое количество крови вовремя. Ну и лодок на тех островах не было совсем, а мосты, ведущие в сторону Майами, перекрыты наглухо. Резервация, в общем. Или заповедник. Да и состояние самого Майами как бы внушает подозрение. Скорей всего город мутный и выходы перекрывает наглухо сам по себе.

Поэтому те чужие, кто еще не попался местным, старались пробраться на север, в Канаду, в один из трех городков среди озер в провинции Альберта, где обосновался наш анклав – уже порядка девяти тысяч чужих. А узнавали они о том, куда следует прорываться, из листовок, которые разбрасывали над дорогами самолеты, из радиопередач, которые велись с так называемых баз передовых операций.

Семь баз, каждая словно бы на конце луча в несколько сотен километров, идущего из нашего анклава. Каждая укреплена, защищена от нападений, каждая готова принять беженцев, накормить, обогреть, приставить к делу или отправить в анклав. Именно на такой, в Грейт-Фоллз, штат Монтана, проработал с пару месяцев я, попутно сделав неплохую карьеру, и именно на такую, в Грэнд-Форкс, что в Северной Дакоте, мы летим сейчас.

Да, тут оговориться следует: я даже не уверен, что кто-то в нашем анклаве вообще знает, почему федеральная власть старается задерживать чужих. Я знаю, а вот чтобы кто-то еще...

пока сомневаюсь. Потому что, в отличие от остальных чужих, я для этого мира... черт знает кто я для этого мира. По всем признакам чужой, но не совсем. Ладно, слишком много подробностей сразу. Мы летим на операцию, и о ней надо думать.

Вообще нас много, пятнадцать человек, но все остальные летят на «твин оттере», чтобы разгрузить вертолет и дать ему возможность дотянуть до места дозаправки. Сам вертолет, как и все остальное, что у нас есть, найденш. Нашли его в аэропорту Форт-Мак-Мюррея, куда мы прилетели как раз в поисках подобных трофеев, а нарвались на банду «синдромников». Тогда погиб Джон, бывший канадский полицейский, с которым мы к тому времени почти подружились. С бандой тоже разобрались. На мой взгляд, именно там мы впервые состоялись как отряд, пусть еще и неполный. Так он и сейчас не совсем полный, вместо пятидесяти шести человек, положенных по штату, у меня всего тридцать один, включая тыл. Тогда нас и столько не было, но прорваться банде не дали, а потом, когда подтянулись подкрепления из анклава, сумели выгнать ее на засады, где и выбили почти полностью.

Именно тогда мне и удалось отхватить нам целых два вертолета из трофеев. Мы были героями, и за это вроде как нам послабление сделали, щедрость проявили – не один, а целых два. И тогда этот «хьюи» был желто-красным, с большой эмблемой нефтяной компании «Шелл» на борту, которой он раньше и принадлежал, но мы все же решили его перекрасить, и сейчас он просто черный, с аббревиатурой CLE, нанесенной белой краской, что означает Cold Lake Enclave, то есть нас. Маленький «робинсон» выглядит так же, а раньше был белоголубым. Но раньше он был обычным гражданским, а теперь поступил на службу в отдельный отряд, предназначенный для борьбы с бандами, так что надо солидней выглядеть. И незаметней. Говорят, что для вертолета именно черный цвет самый маскирующий.

Аэродром Грэнд-Форкс показался на горизонте одновременно с тем, как замигал датчик резерва топлива. Огромный аэродром базы американских ВВС, которые его оставили во время Эпидемии и улетели на юг. Или не улетели, а украсили его стоянки грудями искореженного металла, потому что военные уничтожали все, что не могли увезти с собой, бросая лишь невооруженный транспорт и легкое оружие, до которых у них руки уже не доходили. Вся авиация, вся бронетехника, все, что можно было взорвать, – взрывалось, потому как появление банд и территорий анархии предсказать было легко. С тем, что на покидаемых территориях оставались целые склады автоматов, винтовок и патронов к ним, приходилось смириться, их просто так не взорвешь, в отличие от артиллерийских, например, снарядов, поэтому такого добра великое множество попало в руки и бандитам, и выжившим, и чужим. Наш анклав, например, захватил почти все легкое вооружение со складов канадской армии.

Опять сбился с темы. На стоянках аэродрома сгрудилось множество искореженных взрывами самолетов, но взлетно-посадочная полоса была свободна, и в ее конце, возле больших ангаров, я увидел желто-красный «твин оттер», а рядом с ним машину-заправщик.

– Часок можем отдохнуть, – сказал Брайан, плавно опуская вертолет в сторону нарисованного белой краской на бетоне треугольника с буквой «Н» в середине.

– Можем, – кивнул я.

Перекусить точно не помешает.

Вот к посадкам вертолетным я никак привыкнуть не могу. Нет ни выравнивания по направлению и высоте, ни набегающей полосы, и к тому же обзор непривычно широкий.

На «лайке», на какой я летал на разведку в Грейт-Фоллз, приходилось вообще рулить по полосе змейкой, высокий капот закрывал весь обзор. Увидел, куда тебе надо, – направил самолет примерно туда. Потом снова вильнул, чтобы убедиться, что ты именно туда и рулишь, и так далее. А тут и рулить не надо, и земля прямо под ногами видна.

Тень вертолета с мелькающими лопастями поползла по земле, одновременно уменьшаясь и приближаясь, затем с бетона поднялась жиденькая пыль. Я бросил взгляд на высотомер, напомнив самому себе в очередной раз, что «не верь глазам своим, верь приборам», а Брайан уменьшил скорость снижения до самой минимальной, вертолет завис совсем низко, а затем полозья коснулись бетона. Первый легкий толчок, второй, почти сразу же – есть, сели.

База в Грэнд-Форкс была, по сути, устроена так же, как и та, в Монтане, на которой мне довелось послужить. Только там, в Монтане, был один длинный терминал почтовой службы, а здесь два гигантских ангара, которые точно так же обложили барьерами «хеско» и большими мешками с песком, а внутрь натащили обычных туристических трейлеров. Американские трейлеры все больше большие и просторные, жить в них удобно. Я жил, так что знаю, что говорю. Один из этих ангаров был жилым, со спортзалом, зоной отдыха и столовой, второй больше работал гаражом и складом. А так все, как у нас – посты на крышах, бдительность и все такое. Хотя бдительности поменьше, как мне показалось, – место не бандитское, в отличие от Монтаны. Расслабились, что не очень хорошо. Надо будет потом намекнуть аккуратно местному командованию. А если не внемлет, то уже его командованию.

Повели нас в столовую, понятное дело, устроенную так же, как и на моей бывшей базе, – то есть кухонный трейлер, прижавшийся к стене, и длинные столы рядами. Разве что повар отличался, потому что у нас за повара был очень толстый черный парень по имени Джубал, а здесь всем заправлял низенький и тощий немолодой азиат, и еще ему помогала молоденькая и здорово на него похожая девушка, тоже маленькая и тощая.

Кормили же традиционно, как и на нашей базе, и на всех остальных, то есть ты мог себе набрать бургер из того, что нравится, и подсыпать к нему обжаренной картошки. Мне бургеры вообще не нравятся, к тому же американцы имеют странную привычку начинку для него не прожаривать, а запихивать сыроватой, влажной и серой, но привык, так что и набрал себе такой, в три этажа, и смолотил под разговор, запивая чаем.

Ко мне подсел Уилл, командир этой базы, рыжий и конопатый, с широким крестьянским лицом мужик, у которого я узнал, что в этих краях бандитов нет, только небольшой людской анклав неподалеку, в основном фермеры, и с ними натуральный обмен, так что служба тут течет вполне спокойно. И твари подбираются очень редко.

– «Синдромники», понятное дело, – пояснил Уилл, – но тихие. И не все там «синдромники».

– На вакцине держатся?

– Нет, так наловчились, провоцируют приступ и запирают психанувшего. Нормальные ребята, в общем.

– Вы бы все же не расслаблялись очень, – сказал я. – Банд здесь если и нет, то только пока. Начнем их гонять в Монтане, например, кто-то вполне может переехать сюда.

– Здесь кормиться не с кого, этот анклавчик не прокормит большую банду, а с небольшой мы и сами разберемся, – возразил Уилл.

– Они могут и рабов привезти, так что... сам понимаешь.

– Слухи ходят, что отдельное подразделение специально для борьбы с бандами создали. – Уилл отпил кофе. – Это вы?

– Мы, – подтвердил я. – И скоро начнем действовать по задачам. Так что пути миграции банд... они могут пойти по пути наименьшего сопротивления. То есть в этом направлении.

– Это если у вас все получится, – усмехнулся он.

– У нас получится.

Времени лишнего не было, так что беседа не затянулась. Скоро наш «хьюи» был заправлен под крышки, а мы с Брайаном забрались в кабину. Все, еще перегон, и мы на месте, в Ниагара-Фоллз, откуда и будем действовать дальше.

Связь с диспетчером, взлет, больше похожий на подъем в лифте, при этом лифт почему-то наклонился, затем «хьюи» неторопливо, чтобы никаких перегрузок и чтобы, ни приведи бог, лишний литр топлива зря не истратить, равно как и ресурса, набрал скорость и пошел по маршруту, который тянулся голубой нитью по экрану навигатора.

Интересно, к слову, как долго еще эти навигаторы проживут? Спутниками федералы управляют, но сколько они там на орбитах проработают? Новых, я думаю, уже не ожидается, придется летать по компасам и ориентирам, если будет на чем еще летать. Хотя будет, простенькие самолеты прослужат еще долго-долго, вроде той «лайки».

И опять база. Описывать смысла нет, все те же трейлеры в ангарах. Единственное отличие – в Ниагара-Фоллз бандитской угрозы нет, все дороги в окрестностях забиты навеки замершими машинами, сюда людям если только самолетами добираться. Как и добираются, собственно говоря. Даже сама база с трудом оправдывает себя, выживших она собирает маловато и вообще существует лишь потому, что все направления должны быть как-то прикрыты. Зато здесь много трупоедов, тварей, появляющихся из Тьмы, и мутных пятен, так что служба здесь совсем не синекура. Ну и используется она часто как база для вылазок в совсем плохие районы, если там кому-то что-то нужно. Вот как сейчас, например.

На базе два постоянных пилота с двумя самолетами, под одним из которых уже подвесили хорошие камеры, так что к нашему появлению здесь подготовили почти час подробнейшей видеосъемки объекта с разных ракурсов, в высоком разрешении и при хорошем свете. И сейчас мы просматривали этот ролик, собравшись в тесноватой брифинг-рум в штабном помещении базы.

– Дороги заперты, сами видите, – давала пояснения пилот по имени Синди, невысокая, коренастая, атлетичная девица с круглым лицом и собранными в хвост светлыми волосами.

Голос у нее при этом был странно писклявым, никак не вязавшимся с внешностью.

– Причем забиты на многие мили во всех направлениях, – пояснил Лерой, высокий черный парень в военном камуфляже, который тут был кем-то вроде начальника разведки. – Мы все время пытаемся найти хотя бы один маршрут земель в направлении Баффало, и все без толку. Во время Эпидемии подавляющая часть беженцев из Нью-Йорка рванула в этом направлении, и из других мест тоже.

– Почему? – спросил Алекс Мак-Грегор, наш штатный снайпер.

– Прошел или слух, или информация в медиа о том, что Канада вроде как не заражена, – пояснил Лерой. – Или что канадский климат лечит сам по себе. В такие времена люди верят всему, что дает хоть какую-то надежду. Но в Канаду никто не прорвался, все случилось слишком быстро. Застреливали здесь в пробках, умирали... дальше все понятно.

– То есть мы имеем здесь мать всех заторов, – добавил невысокий худощавый смуглый мужик латиноамериканской внешности, сидящий во вращающемся кресле за письменным столом.

Это Рикардо, он командует базой. Насколько я помню, он родом как раз из Баффало, только не этого, в этом слое, а своего Баффало, из которого он провалился. Я на всякий случай заглянул в его файл во время планирования операции.

– ВПП на аэродроме перекрыта грузовиками в нескольких местах, самолету не сесть. – Кадр, сделанный с высоты, проектор вывел на большой белый экран, висящий на стене. – Сделано это было специально, видимо, с целью соблюдения карантина, – добавил Лерой. – В каком состоянии машины, можно ли их завести и отбуксировать, есть ли вообще к ним ключи, мы не знаем. У нас пока еще ни единого вертолета, а самолет... понятно, в общем, верно?

– Понятно, – согласился с ним я. – А это вертолеты, так?

Я направил лазерный целеуказатель, который использовал сейчас как указку, на силуэты нескольких винтокрылых машин разного размера, стоявших кучкой на отдельной стоянке.

– Верно, только с пилотами у нас не очень, – усмехнулся Рикардо.

– Пилоты появились, будем как-то решать. Что с тварями на аэродроме?

– Твари мелькают иногда, но эпизодически, основные мутные пятна дальше, и очень много трупов... – Лерой перехватил мой взгляд и уточнил: – Трупы несколько забивают их чутье, мы уже давно заметили. Много пищи, много запаха, живых могут просто не заметить, если сильно не шуметь.

Я посмотрел на свои схемы, разложенные на столе, нашел нужное здание на экране, навел лазерный зайчик на него.

– Это и есть склад службы охраны границы, так?

– Выходит, что так, – кивнул Лерой. – Дальше будет довольно подробная съемка со всех ракурсов, я сейчас покажу.

Действительно, съемка была подробная, самолет минут десять облетал здание на разной высоте, стараясь захватить его в кадр во всех возможных ракурсах. Ничего особо сложного не видно, обычное для Америки легкое сборное строение, с поднимающимися воротами и пристроенным сбоку офисом. Взломать – никаких проблем, если даже дверь заблокирована, то можно просто через стену войти с совсем небольшим усилием.

– Вот здесь два фронтальных погрузчика под навесом, видите? – Кадр перескочил на следующую отметку.

И верно, низко летящий разведчик захватил с острого угла силуэты двух массивных желтых машин, укрытых под навесом. Это хорошо, если их получится завести, это могло бы решить массу проблем, от разграбления взлетно-посадочной полосы до погрузки трофеев. А завести, если их специально никто не ломал, мы сможем, тут сомнений нет. У них, как и у любой брошенной техники, аккумуляторы разряжены скорее всего, а у нас есть мобильный пускач. Так что это все решаемо.

– Банды на вашем направлении так и не появились? – уже для очистки совести уточнил я.

– Откуда здесь братья бандам? – засмеялся Рикардо. – Сожрут их здесь. Это мы укрепились так, что не подберешься.

Тоже верно. И укреплена база на зависть, как раз против тварей – все замотано колючей спиралью, что только можно замотать, везде сетки и решетки, на каждый темный угол отдельный фонарь или прожектор, наблюдательные посты на крыше мало того что в клетках сидят, так еще и выходы в них прямо через крышу проделаны, чтобы ночью никто по незащищенной территории пешком не ходил, даже если это крыша. Впечатляет, короче.

– В общем, у нас получается по этапам. – Я посмотрел в свой блокнот с пометками. – Первое – высадка, вход в склад, осторожный вход, я замечу, там осматриваемся и решаем, стоит ли вообще дело затраченных средств. – Я обвел взглядом лица слушавших меня людей. – Ищем все признаки Тьмы, то есть черную травку, колеблющийся воздух, действуем по принципу «не вижу – не иду». Никакого риска, не сможем войти сегодня – войдем завтра, люди важнее всего. Это всем понятно?

Стандартное предупреждение, это то, что я талдычу личному составу постоянно: никакого риска без крайней необходимости, а лучше никакого вообще. Наша задача – добыть оборудование, железо, мы и без него проживем, а погибших не воскресить. Поэтому любители рисковать в таких делах скорее проблема, чем помощь, они не могут реально соотнести потребность в риске и задачу. Рисковать жизнью позволительно там, где этот риск спасет, может быть, другую жизнь или жизни, но не ради продвинутой электроники, за которой мы собрались.

Говорят, что понятно. Надеюсь, что так это и есть.

– Дальше, – я ткнул ручкой в следующую строку, – выясняем состояние погрузчиков. Двигаемся только группой, под прикрытием пулеметов, пулеметчики никакой помощи никому не оказывают, их задача – отбить нападение любой степени внезапности.

Пулемет против тварей Тьмы – лучшее средство, это мне еще с Отстойника известно. Не знаю, как эти твари появляются, но при этом они существа телесные, хоть и живучие, то есть пули вполне успешно их убивают, разве что пуль требуется больше, чем человеку. Но вот как раз пулемет с насыщением туши пулями справляется легко и успешно. В Отстойнике очень любили немецкие трофейные МГ-42 за их скорострельность в тысячу двести выстрелов в минуту.

– С крыши склада довольно хороший обзор в обе стороны полосы, так что, Алекс, – я повернулся к нашему снайперу, – ты с пятидесятым калибром следишь, чтобы «демоны» ниоткуда не нарисовались. Если целей множество, считаешь их приоритетными.

– Принял.

«Демон» – это такой человекоподобный монстр, который умеет брать других монстров под ментальное управление. Когда появляются они, атаки всей это мерзости становятся скоординированными и куда более опасными. Но по прочности «демоны» как любая другая тварь, то есть попадание пули пятидесятого калибра для них скорее всего будет фатальным сразу же.

– Я буду с тобой в качестве наводчика, – добавил я.

Я – командир, мне бежать впереди строя с шашкой скорее противопоказано, хоть поначалу так и приходилось делать, никто ничего не умел. Сейчас люди как-то обучены, мы тренировались интенсивно, так что хотя бы команды принимать и выполнять они уже умеют. Поэтому мне надо находиться там, где опасности меньше, а обзор лучше. И оттуда командовать. И поэтому же я буду сидеть рядом с Алексом, вооружившись самозарядной Мк.11.

– Следующая стадия – принимаем решение на месте, можем ли разгородить взлетную полосу или нет. По фото похоже, что растащить заторы можно, сама полоса в порядке.

Взлетно-посадочную именно что перегородили грузовиками и прочими подвернувшимися под руку машинами. В эти «отрезки» мог бы сесть «твин оттер», который считается самолетом с укороченным взлетом и посадкой, но это рискованно, и из-за высоты грузовиков траектория не очень получается. Так что хотя бы один затор надо бы разобрать. А вот если разберем больше, то тогда можно вызвать из Колд-Лэйка «геркулес», к которому у нас наконец появился экипаж, и на нем вывезти очень много добра. Если оно там есть.

– В любом случае под «оттер» мы должны разгородить, то есть убрать вот эти машины. – Я направил лазер на изображение вытянувшихся в линию трех грузовиков. – Тогда самолет можно подогнать практически к складу. Брайан, – я обернулся к пилоту, – твое дело вылететь сразу же обратно и привезти вторую группу. И высадить по красному дыму, скорее всего прямо здесь, у офиса пограничной службы. – Лазерный зайчик перескочил с одного объекта на другой.

– Я понял.

– Это ведь тоже «хьюи»? – спросил я, направив лазер на силуэты черных вертолетов.

– Да, – коротко ответил он.

Я могу поднять «хьюи» и долететь на нем куда надо. Два «хьюи» в отряде могли бы перебросить почти что взвод. Если их не отберут в наново создаваемый авиаотряд, который,

по замыслу командования, должен действовать в интересах всех подразделений. То есть каждый раз надо к кому-то на поклон идти. Я же не зря сказал, что два вертолета на отряд мы именно что выцыганили, так их никому не положено. Но мечтать ведь не вредно, верно? Хотя нам бы именно что хорошего летучего разведчика заполучить, со средствами ночного и теплового видения, вот было бы замечательно и здорово.

Ладно, потом об этом. Ночью. Спать лягу и помечтаю, вместо сексуальных фантазий.

– Если решим, что вызывать «геркулес» не стоит, то вывозим все «оттером» сюда, на базу, а дальше включается обычная логистика.

На этом основная часть совещания завершилась.

На ночлег нас разместили в «выживальческих» кемперах, то есть в тех, которые на любой из баз были зарезервированы для спасенных чужих. Сейчас таких на базе было всего двое, и мы должны были захватить их в Колд-Лэйк на обратном пути. Ну если у нас все срастется с обратным путем, оно ведь по-всякому бывает. А поскольку жилых прицепов под спасенных отведено с запасом, разместились мы даже с комфортом.

На операцию обычно выдвигаются перед рассветом, чтобы использовать весь световой день, но в богатых тварями краях это правило не работает. Лучше дать утру полностью вступить в свои права, тогда активность всех этих «гончих», «демонов» и прочих «пионеров» заметно падает. Хотя и не думаю, что, даже дождавшись полудня, нам удастся полностью избежать их внимания.

Баффало и его окрестности населены были очень плотно, отсюда и до самого Нью-Йорка, то есть миллионы и миллионы трупов остались здесь вокруг. И все это место не покрылось мутным пятном лишь потому, я думаю, что его эпицентр оттянул на себя как раз Нью-Йорк, который по уровню кошмарности всего происходившего победил всех.

Хотя слышал, что как-то повлиял находящийся совсем рядом водопад. Есть такая теория. Я еще из Отстойника помню, что твари никогда не заводились на лодках и всяких баржах, например, и не могли войти в проточную воду. Даже сама Тьма не могла сомкнуться над рекой, и это вовсе не слух, потому что мы втроем, Федька, Иван и я, забрались прямо «под Тьму». И хотя ощущения от той экспедиции мне памятны до сих пор, ничего с нами не случилось.

Ниагарский же водопад, грохочущий на все окрестности и поднимающий над собой облака брызг, – это некий апофеоз проточной воды, наверное. И очень возможно, что Тьма близко к нему гнездиться не любит. Твари добегают, да, не зря народ на этой базе так укрепился и все щели законопатил, но именно рассадников их здесь нет. Такая вот аномалия. Если не считать аномалией саму Тьму.

В общем, наш вертолет, уже без допбаков, зато с пулеметами в дверях, оторвался от бетона примерно в девять утра, чтобы уже наверняка не угодить в какую-нибудь собачью свадьбу в месте назначения.

Летели низко, выдерживая высоту примерно в сотню метров от поверхности. Под нами тянулись бесконечные кварталы домов, промзоны, дороги, снова дома, совсем небольшие куски свободной земли и снова дома, дороги, промзоны. И все трассы, все выезды на них, все забито машинами – бесконечная, неразбираемая, непроходимая пробка, которая еще местами упиралась в дорожные блоки – скопления мешков, рогаток, колючей проволоки и военных машин. Пару раз я замечал, как мне показалось, вполне целые бронетранспортеры, без явных следов подрыва, но как их вытащить отсюда – ни малейшего представления не имею. Если только каким-то очень большим вертолетом зацепить и унести. Но у нас таких больших вертолетов нет и не предвидится.

Тварей тоже видели пару раз, несмотря на неурочное время. Хотя днем им тоже никто гулять не мешает, солнце и свет их не беспокоят никоим образом, но все же ночью они намного активней. А это значит, что ночью в этих местах вообще караул что творится. Но да, гуще их стало, когда мы от Ниагарского водопада отлетели подальше, то есть, может быть, даже теория о том, что он их как-то отпугивает, не совсем уж лишена оснований.

Лететь тут недалеко, рукой подать, так что к высадке мы готовиться начали, вроде бы едва оторвавшись, а аэропорт Баффало показался впереди скорей даже неприятно быстро. Я вот не томлюсь ожиданием боя, мне как раз торопиться в него не хочется, и полет в безопасности вертолетного чрева для меня предпочтительней беготни среди заброшенных строений в ожидании нападения в любую минуту.

Так, применяемся к карте, точнее, к фотоснимкам местности с пометками...

– Вон склад, – показал я пальцем на светло-серый большой ангар, прижавшийся к взлетно-посадочной полосе в самом ее конце.

Ну да, там еще два бело-зеленых внедорожника пограничной службы стоят у крыльца, ориентир, в принципе.

– Наблюдаю, – подтвердил Брайан. – Куда садимся?

У нас три альтернативные точки, окончательное решение принимаем на месте, то есть именно сейчас.

– На полосу, напротив склада.

– Принял.

Никаких лихих маневров, у нашего пилота пока опыта для них нет. Так что вертолет зашел на посадку плавно, медленно, и если бы это была высадка в зоне боевых действий, то я бы уже со страху помер, наверное, так вот висеть в качестве мишени. В Афганистане в свое время «коровы» ныряли вниз как дельфины и вываливали нас, то есть бойцов, быстро и без церемоний. Но здесь вроде боев нет и огневого противодействия не ожидается, так что можно и вот так покуда, по-инвалидному.

А вот группа к высадке приготовилась уже вполне сноровисто, и как только полозья «хьюи» коснулись земли, высыпалась с обоих бортов, образовав оборонительный периметр. За малостью наших сил постоянных стрелков в вертолете иметь у нас не получалось, но сразу два С9, как в канадском воинстве называли бельгийский «миними», и увесистый FN MAG, который С6, уставились в разные стороны.

Есть, выгрузились. Я махнул рукой смотрящему на меня через триплекс Брайану, мол, лети за второй партией. Вертолет неторопливо и как-то грузно оторвался от земли и пошел вперед и вверх, плавно разворачиваясь на обратный курс.

– Все лишнее бросаем здесь! – скомандовал я. – Фонари включить!

Свою «марк-одиннадцать» в чехле я положил рядом с винтовкой Алекса, сейчас мы оба просто автоматами вооружены, нам еще помещение проверять, а может, даже и зачищать. За винтовками потом вернемся, если все по плану пойдет.

– Радист, ждешь с прикрытием.

Я сказал radioman, хотя за радиста у нас radiowoman – та самая Солдат Джейн с базы, симпатичная коротко стриженная девушка в очках, которая тоже сумела напроситься ко мне в отряд. Я ее взял с условием, что она переучивается на радиодело и на передовую не рвется. Переучилась, а вот рвется или нет – пока не знаю. По факту это первый ее выход «на войну» с отрядом.

Хоть и день, но в здании может быть темнота. Окон в стенах хватает, но везде бывают всякие подсобки, кладовки, уборные, а для прорастания Тьмы и просто шкафа достаточно. Ну и против «темной плесени», как я сам для себя определил пробои Тьмы в подвалах, фонари работают хорошо, как огнемет. Другое дело, если из этого места какая-нибудь тварь уже вылезла, то толку с этого...

Гидроинструмент готов, с ним уже Роб прилаживается к дверям склада. Заработала гидравлика «на разжим», и через полминуты замок с двери сорвало со звуком пистолетного выстрела. Дверь настезь, оттуда на нас никто не бросился, и полной темноты, к счастью, там тоже не было – под крышей ангара идет ряд световых окошек, и еще целые оконные блоки вделаны в крышу.

Вошли, разошлись тремя парами, осматривая проходы между высоченными, до потолка,

стеллажами. Так, вон какие-то двери в конце ангара, сразу несколько, вот там и могут быть темные места.

– Вперед.

Что делать – и так все знают, я народ еще по опыту Горсвета углегорского обучал, зачищали мы всякие заброшенные места вокруг Колд-Лэйка, так что потренировались все. И двери здесь оказались не заперты, так что открывали, освещали, готовились убить все, что зашевелится, но там ничего не шевелилось. Хотя в кладовке уборщика темная травка все же завелась и осела под лучом моего подствольного фонаря серым пеплом. Если такое место сразу не «просветить» и рядом шляться, то могут быть проблемы. Тьма нас чует, а такие места, они еще и как ее рецепторы действуют. Так что тут вполне могла народиться какая-нибудь тварь, а то и не одна, и кинуться в атаку. А с тварями на малой дистанции дела все же лучше не иметь. Мне как-то довелось, и до сих пор память яркая о тех эпизодах.

– Чисто!

– Чисто!

Склад безопасен, похоже, начало операции положено вполне успешное. Теперь офис проверить, и тогда мы вроде как опорный пункт можем оборудовать.

В офис проход из склада был, причем через абсолютно темный тамбур. В самом офисе на полу нашлись совершенно обглоданные и растащенные останки как минимум двух человек и обрывки униформы. Не думаю, что это твари напали, скорее люди умерли в Эпидемию, а потом до них добрались трупоеды, как местные вполне логично называли создания Тьмы. Логично, но недостаточно емко, потому что одними трупами твари не ограничивались никогда.

С останками был и запах, густой и тяжелый, так что про сам офис как опорный пункт пришлось забыть, мы лишь как можно быстрее выбрались на крышу. К счастью, я достаточно правильно оценил положение этой крыши на видео и сейчас убедился в том, что с ее угла сектор обстрела получается в двести семьдесят градусов, а навес, под которым действительно стоят два фронтальных погрузчика, виден отсюда великолепно, до него метров триста... да, именно триста, триста восемь, если точнее, я проверил дистанцию дальномером.

Ну и что дальше? Пока нас никто не атакует, так что по идее можно подкрепления и не ждать, сразу к делу. Только винтовки нам с Алексом сюда притащить. Я притащу, он пусть за наблюдателя сидит, он вообще зоркий и внимательный, давно замечено. И еще неплохо было бы какой-то из этих джипов, что стоят у входа, завести. Только ума не приложу, где искать к ним ключи, так что не уверен, что получится.

– Джастин, ты тоже наверх, – скомандовал я, выбежав на улицу. – Джейн, тоже на крышу. Остальные по плану, давайте за погрузчиками. И поосторожней!

И да, Джастин – этот тот самый толстоватый парень, что был пулеметчиком на базе в Грейт-Фоллз. Сначала, как и Джейн, он остался там, но когда их сменили по ротации, вместе с Джейн же, уже в Колд-Лэйке он запросился ко мне в отряд. Они оба запросились, если точнее. Претензий к нему у меня не было, он и парень толковый, и стреляет из своей машинки неплохо, но вот толстоват и тяжеловат, так что я поставил ему главное условие: худей и подтяни физо. И похудел, и подтянул. Пусть до совершенства еще далеко, но в нужном направлении он неплохо продвинулся. И сейчас навьючен тяжелым С6 и боекомплектом к нему. Ну и на мне еще четыре короба к его машинке, боекомплект пулеметчика на марше обычно делится в группе.

Со второй партией людей прилетит Рашид – специалист по всякой электронике, которого нашли в анклав и который должен разобраться в том, что есть на складе. Потому что для всех нас это темный лес, просто бесконечное количество ящиков и коробок с маловнятной маркировкой. Ну и дополнительная группа для обороны, тогда все совсем проще станет, пулеметов прибавится.

Крыша, парапет, я уселся, прислонив «марк-одиннадцать» к нему, взялся за бинокль. Рядом пристроился Алекс с неуставным самозарядным «барретом». Сейчас он дальномер с ориентира на ориентир перекидывает, чтобы, случись чего, в поправках не путаться.

– Алекс, вслух все говори, мне самому мерить некогда. И ориентиры называй.

Джастин дальше по крыше сдвинулся, чтобы больше захватывать сектор слева от нас. У него на пулемете шестикратный «спектр» стоит, так что он со своей машинкой достанет далеко.

Что внизу? Люди побежали к навесу с погрузчиками, катят с собой по бетону тележку с пускатом. Пока все штатно, без происшествий, у машин никаких засад я пока тоже не вижу. Вокруг что?

Вдали, у забитого машинами шоссе, вроде бы движение какое-то. Трупоеды?

Глянул туда в прицел, выкрутив увеличение на максимум. Точно, есть тварь за машинами, но вроде как вдоль дороги движется, на нас не навелась. Ну пусть и дальше не наводится. «Демонов», «демонов» надо высматривать, где они, там и неприятности. Меня тогда в Грейт-Фоллз две «гончих» чуть не схарчили с наводки «демона», а сам он благополучно смылся. Я каким-то чудом отбился.

И все же интересно, в складе есть то, за чем мы вообще сюда прилетели? Мы ищем ФЛИРы, это такие комплексы из видеокамеры, ночника и тепловизора, которые можно установить на вертолет, например, или на поднимающуюся мачте на машину, ищем станции ближней разведки. Из документов, до которых добрался аналитический отдел анклава, выходило, что американская пограничная служба пыталась как можно больше людей перебросить с канадской границы на мексиканскую, где проблем было выше башки, а эту северную границу усилить за счет техсредств. И вот эти самые техсредства должны были храниться на их складах в Детройте и в Баффало. В Детройт нечего и мечтать соваться, там все «мутное», а вот в Баффало мы прилетели, и пока без особых происшествий. Вроде бы.

К тому времени как «хьюи» вернулся со второй группой, первая успела завести оба погрузчика, а заодно растолкать два ближайших затора. Особых трудностей это не составило, никто не старался создать на полосе именно что завал, просто выстроили машины, как я уже сказал, и все. Фронтальные погрузчики легко все вытолкали своими ковшами за пределы полосы, и сейчас люди собирали с бетона крупный мусор, что насыпался в ходе расчистки. Для садящегося самолета он может создать проблемы.

«Хьюи» опустил теперь на автомобильную стоянку за ангаром, чтобы быть поближе. Брайан перебрался к нам на крышу, которая уже превратилась и в наблюдательный пункт, и в опорный. Джейн давно установила связь с Ниагара-Фоллз, и мы вызвали сюда «оттер», которому пространства на полосе теперь хватало за глаза. А я ждал заключения Рашида – невысокого смуглого черноволосого парня, который побежал проводить на складе беглую инвентаризацию.

А трупоедов на дороге прибавилось. И при разборке дальнего затора люди нехорошую активность заметили. Тьма – это Тьма, она нас все же чувствует. Твари пока не нападают,

но думаю, что до этого дело вполне может прийти.

Если тут всякого добра много, то придется вызывать «геркулес». Он прилетит хорошо если часа через три. Сколько успеем в него загрузить? Погрузчик на складе именно что складской, я не уверен, что он вообще сможет по рампе в самолет въехать. То есть застрянем здесь до темноты. И что ночью будем делать? Улетим обратно в Ниагара-Фоллз или запремся в складе? Заранее решение принять у меня не получилось, по снимкам реальную ситуацию не оценишь, но пока ее и так оценить не получается. Лучше бы, конечно, пересидеть ночь здесь, не теряя времени. Еще лучше загрузить все сегодня и улететь на базу, но это значит, что трофеев будет мало. Так что борьба жадности со страхом продолжается с неослабевающей силой.

– Босс, как слышишь? Это Рашид.

– Слышу хорошо, Рашид, что у тебя?

– Кое-что здесь есть.

– Много?

– Хватает. Надо большой самолет вызывать.

Это, наверное, хорошо.

– Джейн, связь с Ниагара-Фоллз, пусть вызывают «геркулес», – обернулся я к новоявленной нашей радистке. – Роб, – схватился я за рацию, – как слышишь? Разбирайте самый дальний завал и подтягивайтесь к нам. Вызываем «геркулес».

Нам бы еще бригада грузчиков не помешала, вообще-то, потому что в ожидании самолета люди вместо обустройства обороны занимались грузом, собирая ящики у входа в склад. К счастью, этот склад был совсем рядом с полосой, так что транспортник мог подрулить совсем близко. Почти перед самым его прибытием Алекс заметил первого «демона», стоявшего у угла какого-то ангара, и снял его первым же выстрелом из своего «баррета». Тварь против пятидесятого калибра не выстояла, свалилась сразу, мешком.

Но твари понемногу вокруг концентрировались. Плохо то, что инстинкт самосохранения среди них есть только у «демонов». Вместе с каким-то разумом, похоже. А вот у всех остальных он отсутствовал полностью, их задачей было лишь жрать и убивать. И если рядом «демон», то того, на кого он укажет. Выстрел Алекса, как мне кажется, на какой-то момент сорвал их атаку, по крайней мере три «гончих», что я заметил неподалеку, как-то растерянно закрутились. Второй выстрел Алекса свалил одну из них, но две другие рванули в нашу сторону, сразу же укрывшись за серым кирпичом ангара из рифленого металла.

– Всем на оборонительную, ворота склада закрыть! – заорал я в рацию.

Да, все пришло в движение, вон и со стороны дороги твари рванули сюда – «гончие» и еще какие-то, поменьше, но такие же быстрые. Я схватил винтовку, уронил ее торчащими вперед сошками на парапет крыши, поймал в прицел искаженный быстрым бегом черный силуэт сразу с поправкой на дальность, выстрелил, промахнулся, снова выстрелил и снова промахнулся, затем попал, тварь несколько раз перекувырнулась через голову, потом опять вскочила на ноги и побежала дальше, но уже медленно и колченого, и тогда я уже ее добил.

Застучал пулемет Джастина, снова пару раз тяжело бахнул «баррет», потом к хору присоединились трещотки «миними» – это не мы с Федькой вдвоем выбрались помародерить к Тьме, как тогда в Углегорске, тут у нас огневой мощи хватает.

Правда, строения сектор обстрела резали, так что несколько тварей добралось почти что до нас. Почти, потому что, как только они появились у склада, их смели как вениками из пулемета. Даже несмотря на то, что пара мелких монстров неслась по стенам

как по земле. Так до сих пор не могу привыкнуть к такому их невероятному уменью, хотя при своей первой встрече с «пионерами» я чуть не погиб как раз оттого, что они начали бегать по потолку.

Отбой боевой тревоги, опять к работе.

Потом было еще одно нападение, не слишком большими силами, которое отбили легко, но заметили второго «демона», и этот уже укрывался, не подставляясь под выстрел, так что нам следовало ожидать проблем.

Затем в небе появилась черная точка, постепенно превратившаяся в пузатый четырехмоторный транспортник, который по плавной глиссаде зашел на уже расчищенную полосу, явно демонстрируя, что вел его пилот опытный. И я даже знал кто, потому что из Вайоминга к нам в Колд-Лэйк прилетела пара инструкторов, и последние два месяца Настя переучивалась на «геркулес».

Самолет, вращая большими винтами и гоня ветер, прирулил к самому складу. Откинулась аппарель, и, к моему удивлению, из чрева машины выгрузилось больше взвода бойцов во главе с Роналдом – одним из главных командиров анклава. Его люди начали растягивать колючие спирали вокруг самолета, устанавливая пулеметы.

Я спустился вниз, пожал Роналду руку. Не дожидаясь моего вопроса, он сказал:

– На бегу решение приняли. Митч прикинул, что если здесь можно посадить большой транспортник, то надо вообще здесь пошарить всерьез. На снимках даже вертолеты есть.

– Есть, – без всякого вдохновения сказал я. – Но дать гарантий, что сюда не стянутся все монстры из всех мутных пятен, я не могу. Тут и так... оживленно становится.

– Посмотрим, – пожал он плечами.

Не люблю я вот такого спонтанного планирования от жадности. Этот вариант следовало заранее предусмотреть, но до настоящего момента вся операция планировалась исключительно мной, силами и средствами исключительно моего отряда. Но она все же планировалась, то есть у меня отдельный план на каждый «поворот сюжета», к нему альтернативный план, все рассчитано и просчитано. А тут как снег на голову свалилась толпа людей без всякого обеспечения своевременной эвакуацией. А если твари толпой повалят и надо будет валить? Спираль «гончих» не сдержит, ее тогда надо метра на два вверх поднимать, так что растягивание ее скорее средство самоуспокоения.

– Мы сейчас «геркулес» загрузим, и он улетит, а здесь останется много людей и мало транспорта. Если случится убежать – будут очень большие проблемы.

– Он потом вернется.

«Геркулес» пока летает один, насколько я знаю. Второй летчик, который может его поднять, это Ричард. Тот самый Ричард, что сидит сейчас на базе в Ниагара-Фоллз с «оттером».

– Сегодня разгрузиться и вернуться он не успеет. То есть ночь придется жить здесь.

– Значит, надо обустроить оборону, – отрезал Роналд. – С утра здесь еще и самолет с технарями будет. Поставлена задача забрать все полезное.

Да, я все понял. Вертолеты полезны, тут я согласен, сам об этом подумывал.

– Ладно, я с женой поздороваюсь.

– Давай, – кивнул он.

Металл аппарели забумкал под подошвами ботинок, затем я нырнул в алюминиево-сетчатое нутро «геркулеса» с откидными боковыми скамейками. Зашел в непривычно просторную кабину, поздоровался. Кроме Насти здесь было еще двое, «геркулес» в одиночку

не водят. Два парня, оба молодые, хорошо если по двадцать есть обоим. Я вообще заметил, что по набору в пилотскую школу рванула самая молодежь. Даже семнадцатилетний есть, Барни, он сейчас на «сессне» летает.

Настя уже успела снять шлем и отстегнуться от кресла. Обнял ее, сильно притянув к себе, поцеловал в губы.

– Ну ты прямо... – засмеялась она. – Словно не вчера расстались.

– Я вообще расставаться с тобой не люблю, так что, по мне, хоть сегодня расстались – уже достаточно, чтобы затосковать.

Мы говорили по-русски, поэтому для ее помощников все наши переговоры были наглухо зашифрованы. Русский язык на Западе вообще хорош тем, что его никто не знает. А большинство еще и на кириллице читать не может, это как по-китайски для окружающих. Надо о чем-то переговорить совсем секретно – переходи на родной, не произноси имена и слова «общего пользования», и тогда стопроцентная гарантия того, что ни одна живая душа ни хрена не поймет. Не очень вежливо, но очень эффективно.

– Тоньше надо льстить, тоньше. – Засмеявшись, она оттолкнула меня. – Нельзя же так прямолинейно.

– Да можно, – отмахнулся я. – Зато лезть грубую трудно толковать превратно, она для этого слишком однозначна.

– Что у вас здесь?

– Застреваем, получается. У командования идей шо у того раввина, и таки все идеи блещут свежестью и новизной. Кстати, у нас барбекю в силе или отменяется, не пойму теперь?

На выходные мы гостей назвали. На всякие стейки и колбаски, на решетке зажаренные. Даже гамбургерные котлеты в списке есть, хоть каждый раз, выкладывая их над углями, я чувствую себя оскорбленным. А теперь я как-то совсем не уверен, что я к тому времени вообще вернусь. Операция по «очистке от имущества» в аэропорту Форт-Мак-Мюррей растянулась на несколько дней, и война с бандой тут совсем ни при чем, при этом там можно было трофеи грузовиками вывозить, а тут так не получится.

– А я не знаю. – Настя заметно растерялась. – Обзвонить всех и перенести на следующую субботу?

– Вот неплохо было бы.

– Хорошо, так и сделаю. Ладно, я пошла погрузкой командовать, а то потом будем лететь боком или как-то еще.

Мне тоже надо к делу возвращаться, потому что как раз сейчас снова бабахнула винтовка Алекса. А это, скорее всего, к очередной порции неприятностей.

К ночи сумели сделать полезное дело – подвесить спираль под самую крышу, это от настенных бегунов очень хорошо помогает, по опыту баз проверено. Именно когда под самый край, на стык крыши и стены, потому что тогда перепрыгнуть эту спираль не получается, теряются в таком твари, что-то не срастается у них там в башке.

Прибывшее с Роналдом подкрепление тоже знало что к чему, поэтому они притащили с собой еще несколько «миними». Как я уже говорил, анклав не испытывал никакого дефицита ни со стрелковым оружием, ни с патронами. Сейчас, по крайней мере. Алекс свалил еще одного «демона», почти с километра, но не того, что прятался за ангарами. Тот как раз сумел организовать еще две атаки на наши позиции, причем первая из них оказалась настолько неожиданной, что стая «гончих» чуть не разорвала группу технарей,

осматривавших вертолеты. Они едва успели заскочить во внедорожник пограничников, который все же завели, и дать по газам.

В общем, нормальной работы не получалось все равно, тварей становилось больше, нападали они все чаще, а когда дело пошло к темноте, они и вовсе загнали нас в склад и на крышу. Тепловизоры их толком не берут, тепла твари не излучают, в ночник тоже видны плохо, а с того момента, как сумерки превратились в ночь, они и вовсе озверели. Так что и с ночным отдыхом у нас получилось неудачно, план «одна смена отстреливается, а вторая отдыхает» как бы не очень выполнялся. Не спал толком никто, все были нервными и усталыми.

Поскольку Роналд мне никаким боком не командование, я через Джейн и базу в Ниагара-Фоллз затребовал связь с Дэйвом Крауссом, нашим, можно сказать, главнокомандующим, и потребовал от него сворачивания операции.

– Ничего хорошего из этого не получится. То, что мы планировали вывезти, мы вывезли вчера. Но в остальном полный провал, нам даже не удалось осмотреть другие склады. Техники чуть не погибли во время осмотра вертолетов и при этом так их и не осмотрели. Ночью мы просто держали оборону.

– Как сейчас обстановка?

– Активность тварей упала, но их становится все больше, – обрадовался я хотя бы такому вопросу. – То есть днем мы, скорее всего, ничего не сможем сделать, а ночью вместо отдыха израсходуем боекомплект. Это плохое место для таких операций, мы же планировали быстрый вход и выход, здесь не получится сидеть неделю, как в Форт-Мак-Мюррей.

– Как собираетесь эвакуироваться?

– При всем моем уважении, сэр... – выдохнул я, задавив в себе ругательства. – Но над этим должен был думать тот, кто придумал все это. Высылайте «геркулес», пусть забирает всех кого можно. Мы воспользуемся своим транспортом, до Ниагара-Фоллз недалеко, можем с небольшой перегрузкой взлететь.

Дэйв помолчал, явно не слишком довольный таким исходом, но потом дал команду сворачивать операцию и эвакуироваться. Подбежавший к концу разговора Роналд выругался и скривил морду, из чего я сделал вывод о том, что эту хрень придумал он и протолкнул идею. А теперь выходит, что в глазах начальства он облажался. И еще выходит, что я себе нажил первого врага, похоже.

Все же что-то сверхпланово сделать удалось. Мы угнали с аэродрома бело-зеленый «хьюи» пограничной охраны. Рискнули, конечно, но решили, что риск оправдан. Одна машина стояла заправленной почти что под крышку и завелась без всяких дополнительных усилий, так что сидевший в кабине Брайан сказал:

– До Ниагара-Фоллз точно долечу, поэтому вы, босс, гоните мою птичку. И не ломайте.

Теперь уже мне пришлось поднимать с полосы вертолет с людьми, да еще и с двумя стреляющими во все стороны пулеметами – твари перешли в очередную атаку. Но до базы долетел на нем без проблем, а там мы его снова переоборудовали для дальнего перелета – сняли все лишнее и установили обратно допбаки. Трофейный вертолет там же, в Ниагара-Фоллз, и оставили, чтобы забрать его позже. Допбаков тут мало, хотя их тоже надо привезти, это не автомобиль, надо вообще убедиться в том, что он способен пролететь восемь сотен километров без происшествий.

В общем, я оказался дома вовремя, так что мы успели снова обзвонить всех, кого обзвонила Настя, и восстановить приглашение.

За что я особенно люблю наш дом – это за утренний вид из окна. Тот самый вид, который идет в комплекте с чашкой кофе и печеньем, когда ты сидишь за кухонной стойкой в халате, смотришь попутно местные новости по телевизору и глядишь в окно. До озера рукой подать, метров двадцать, наверное. Вот заборчик на границе нашей лужайки, двухполосная дорога, ряд тополей – и дальше вода уже. Она бывает разного цвета, и серой, когда пасмурно, и черной ночью, а сейчас она зеленоватая – утро одновременно и солнечное, и прохладно-ветренное, и поэтому поверхность воды взлохмачена мелкой злой волной. Кстати, в такую погоду рыба совсем не клюет, как я уже выяснил.

Да, еще газета передо мной на столе, тоже с местными новостями, каких для целой газеты не так уж и много. Но газета – это символ настоящей жизни, некоей стабильности, поэтому я с удовольствием открываю почтовый ящик каждое утро и даже кое-как отпечатанную рекламу вынимаю оттуда чуть не с благоговением. И думаю, что это не только у меня такое, потому что тягу к символам нормальной человеческой жизни я замечаю у очень многих. Даже наше субботнее барбекю отчасти такой же природы. Просто поиграть в добрых соседей, потому что за пределами этого усиленно создаваемого и культивируемого мирка начинается территория страха и неуверенности.

Неуверенность – она во всем, она заложена в сам статус нашего анклава. Пусть пока его обитатели не знают, зачем именно их пытаются ловить и задерживать федералы, и большинство чужих уже не верит в сказку про то, что все они носители вируса Суперкори, но они знают то, что федералов много, а чужих все еще мало. И то, что анклав находится в Канаде – это не только потому, что здесь есть нефть и зерно, но еще и потому, что сюда федералам добираться далеко. И опять же каждый в душе понимает, что рано или поздно они сюда доберутся. Так или иначе.

Но, в общем, пока такие мысли все же получается давить. Хотя бы тем, что забот хватает. У меня, например, впереди дел – непочатый край. И у Насти тоже. Которую здесь зовут Энис. Вообще-то из Анастасии получается имя Стэйси, но Стэйси ей не понравилось, поэтому она сократила свое полное имя до вот этой самой Энис. А имя Настя в англоязычном окружении все же лучше не употреблять, слишком похоже оно на «nasty», то есть «отвратительный».

Так вот, у нее тоже дел выше крыши – она и пилот на «геркулесе», и инструктор летной школы, причем главный, то есть всей школой командует. Еще и директор, получается. Здесь много людей «на все руки от скуки», потому что специалистов никаких не хватает и каждый обладающий знаниями и умениями в чем-то важном для анклава ценится на вес золота. Я вот вроде бы команду отрядом, который здесь зовут task force, предназначенным для борьбы с бандами, а по факту мы чем только не занимаемся. От знакомого еще по Углегорску контроля нежилого сектора до организованного мародерства в мертвых местах.

Но это все пока, пока тянется оргпериод, пока набирается штат, пока люди тренируются и пока готовится техника. А затем нам надо будет доказать, что мы созданы не зря. Что сделать? Ну, для начала снизить давление, которое оказывают банды на базу в Грейт-Фоллз, потому что именно через нее проходит основной торговый маршрут нашего анклава. В Вайоминг. В Территорию Вайоминг, которая отложила от Федеральной и ведет теперь

самостоятельную политику, водят дружбу с чужими. Банд там много, банды создают проблемы, и нам надо бы если и не уничтожить их, что такими силами чистая утопия, то заставить покинуть территорию, откочевать оттуда к чертовой матери и больше не мешать. То есть силами отряда надо сделать их жизнь в том месте невыносимой. А пока они пытаются сделать невыносимой жизнь базы. Зачем? Потому что они психи?

Я бы не сказал. Психам нужны пленные и нужны убийства, для психа свет клином на базе не сошелся. База – это уже проявление рационального в их планах. Если ты сумел сделать жизнь базы невыносимой, то вынудил с тобой договариваться. И взамен ты можешь уже что-то требовать.

В общем, сейчас я допью кофе, переоденусь в канадскую форму со знаками различия нашего анклава и поеду на службу. Готовиться и готовить отряд к будущим победам. Такой вот я оптимист.

Настя, с мокрыми, кое-как просушенными волосами, одетая в длинный купальный халат, зашла на кухню. Это мы с ней пробежались с утра, она от меня тоже эту полезную привычку подхватила. Зажужжала кофеварка. Тихое семейное утро, обычное семейное счастье. Обычно к семейному счастью прилагаются дети, но у нас с этим здесь... нет у чужих детей. Может, и к лучшему. Скорее всего к лучшему, но это приходится себе регулярно объяснять, так как сознание эту истину усваивать отказывается.

– Ты сегодня как обычно?

– Скорее всего. – Я пожал плечами. – Вроде бы ничего сверхпланового не ожидалось.

А что?

– Ничего, – отмахнулась она. – Просто какие-нибудь планы на вечер пытаюсь составить.

– Какие?

– Пока только пытаюсь, не знаю еще. Может быть, в город выберемся?

«В город» – это в ту часть Колд-Лэйка, которая ближе к военной базе, где городские власти и все такое. Мы живем в другой части, той, что у озера, между ними несколько километров. Если кто-то хочет поехать сюда, то говорит «на берег».

– Я не против. Тогда нормальную одежду с собой возьму, переоденусь на базе.

«Выйти в город» – это вроде как пройтись по немногочисленным магазинам, а потом осесть на ужин в каком-нибудь гриле, а закончить все в каком-нибудь баре. Сегодня пятница, сегодня все out^[1]. И да, шляться по барам в форме как-то не комильфо, так что лучше переодеться.

– Может, тогда на одной машине поедем? – спросила она.

– Давай.

Обычно мы на двух, потому что оба на службе, и как там день пойдет, заранее не угадаешь. Но в пятницу мы практически всегда после службы в город, поэтому стараемся на одной. Чаще на моей.

Здесь даже что-то вроде часа пик наблюдается. По крайней мере, одновременно с нами из своих домов выезжает еще множество людей. Озерная часть города больше жилая, так что те, кто едет на работу, едут как раз в город. Или на бывшую базу канадских ВВС, как мы, например.

В гараж мы машины не загоняем, гараж у нас скорее за кладовку работает, а обе – и черный «либерти» Насти, и мой немолодой белый пикап с поднятым над дорогой повыше брюхом, стоят на подъездной дорожке. Мы загрузились в пикап, закинув сумки на заднее сиденье, затем я сдал задом на дорогу.

Сначала дорога вдоль озера – самый мой любимый отрезок, потом недолгое петляние по улицам, затем недолгая поездка по шоссе среди полей и перелесков. Пейзаж – самая настоящая средняя полоса России, здесь даже в свое время на базе были курсы выживания для натовских пилотов, на случай если их над вот такими же местами в России собьют. Но курсы закрыли еще с окончанием холодной войны.

Машин на шоссе в город тоже немало. Даже школьный автобус впереди едет, но школьников нет, он теперь здесь вроде как за рейсовый, не все любят сами за рулем кататься, к тому же «Хаски Энерджи» – нефтяная компания, которая основа основ и оплот оплотов местной экономики, своих работников возит централизованно. Ну тех, какие этого сами хотят.

В городе на улицах тоже было суетно, рабочий день начинался. Проехав по Пятидесятой, я увидел открытое отделение «Хаски Кредит», местного банка, и напомнил себе, что надо бы обналичить зарплатный чек, который я как раз получил перед вылетом в Ниагара-Фоллз, но в банк заскочить с ним не успел. Наличных в кармане и так хватает, но у нас платежи по кредиту и все такое, так что пусть зарплата в полном объеме ляжет на счет.

За городом трафик стал уже не таким интенсивным, большинство едущих там и осело. До базы там еще пару-тройку километров по шоссе, но машин немного. Навстречу проехал патруль на двух вооруженных бронированных «джи-вагенах». Это основная бронетехника в этих краях – все, что не было полностью уничтожено на складах канадской армии. Так себе машина, прямо скажем, недаром канадцы после Афганистана начали активно искать ей замену, да вот не успели. Американский «хамви» уж на что проблемный экипаж, но этому «джи-вагену» хотя бы устойчивостью сто очков вперед даст, равно как и вместимостью и грузоподъемностью. И вооружение не сравнить. Хотя против тварей Тьмы обычные единые пулеметы куда лучше применять – и экономней, и поворачиваются они быстрее, и сверхубойность пятидесятого калибра тут лишняя. Это уже против людей.

Как бы то ни было, «хамви» на базе тоже есть теперь, я прямо в воротах столкнулся с легкобронированным, со старым пулеметом М60 на открытой турели. Это недавно одна из групп дальней разведки, что подчинены Митчу, в штате Вашингтон наткнулась на совершенно целый и никем не разграбленный и не взорванный арсенал Национальной гвардии. Говорят, что там следов стрельбы хватало, так что вышло, что кто-то этот арсенал отстоял для себя, а потом, скорее всего, или умер, или что-то другое случилось.

Что оттуда пригнали, теперь вон стоит, вытянувшись в ряд у стены ангара. Несколько тяжелобронированных «хамви», вооруженных всерьез, несколько таких, какой мы только что встретили, и несколько обычных, разъездных и «логистических».

Я проехал мимо этих машин до главного здания базы – учебного центра, там высадил Настю, поцеловав ее и дав забрать сумку из кабины.

– Переодеться не забудь! – напомнила она.

– Хорошо!

Она вообще-то тоже ходить в форме должна, но этот факт игнорирует. Говорит, что тогда ее начинает начальство строить, а она строиться не намерена. Наверное, какой-то резон в этом есть.

А вот и наш отрядный ангар. Большой, серый, с огромными воротами, через которые раньше катались самолеты. Самолетов здесь больше нет, так что в ангаре сконцентрировалась вся наша отрядная база. Я остановил пикап у стены, в рядок с другими

машинами тех бойцов, кто приехал на службу или дежурил ночью, выбрался из кабины.

В воротах меня встретил Халлоран, из новых – рослый белобрысый парень с длинным лицом и вечно розовыми щеками, провалившийся сюда из некоего городка Индиан-Пасс в Монтане, которого в этом слое действительности вообще не было. Эдакий Углегорск в местной версии. В прошлой своей жизни Пол Халлоран водил фургон UPS и любил охотиться на оленей, чем увлекался с детства, и теперь оба умения пригодились. Водил машину он действительно отлично, стрелял блестяще и умел искать следы. Так что отбор в отряд он прошел достаточно легко.

Ночь он провел в крепко запертом от греха и всяких тварей складе, а сейчас неторопливо прохаживался в воротах, скрестив руки поверх висящего на груди автомата.

– Как дежурство?

– Без происшествий, кэп.

С чьей-то легкой руки меня начали называть кэпом, то есть капитаном. Почему и отчего – ума не приложу, но обращение прижилось, и я с этим поделаться уже ничего не мог. Впрочем, некоторые звали боссом, тут кто как.

Ангар огромный, так что у нас тут разместилось все, от парка и арсенала до казарм – уже знакомых мне «контейнеризованных жилых модулей», установленных в два ряда у дальней стены. Это на случай перехода как раз на казарменное положение, служба все же. Да и сейчас четверть личного состава остается на ночь в ангаре, службу нести. Халлоран лишь один из них, командовать дежурной сменой остался Роб.

Роба я увидел у машин. Роб рослый, жилистый, в прошлом пусть и не хватавший звезд, но профессиональный рукопашник в смешанных боевых искусствах, а заодно теперь один из самых близких мне людей в отряде, можно даже сказать, что друг. Пожали друг другу руки, обменялись вопросами «как дела».

– Рашид уже заезжал на своем велике, спрашивал тебя, – сказал Роб. – Выглядел очень деловым.

– Не сказал зачем?

– Нет. Он скоро снова заедет сказал.

– С покраской закончили?

– Да, все здесь. – Роб показал на ряд машин перед нами.

Теперь мы не бедствуем после рейда на завод «Инкас» в Торонто, который прошел еще на удивление без всяких проблем. Оттуда мы пригнали бронетехнику, причем много бронетехники. Ну, по нашим масштабам много. Главное – мы заполучили целых одиннадцать LARV – больших взрывоустойчивых бронемашин, весом в десяток тонн каждая, с турелями под вооружение, из которых отдали пять в общественное пользование, а шесть оставили себе. Сейчас в них уже установили крупнокалиберные пулеметы, или «марк-девятнадцатые», и машины были готовы к делу.

Еще нам досталось восемь таких же машин, сделанных для полиции. В них не было башен под оружие, вместо пяти бойцов в каждой могло ехать восемь, и компоновка была уже не с кузовом, а вроде внедорожника, «двухобъемная». Четыре мы отдали, четыре оставили себе, сняв с них всякие полицейские атрибуты вроде мигалок, и вот эти машины нам перекрасили из синего полицейского цвета в защитный военный. А еще перекрасили один «броневавтобус» под названием «Гурон», не знаю, как еще назвать, высокий броневик-фургон с плугом для разбивания баррикад и двенадцатиместным нутром, каких мы притащили два и опять же один отдали. Господь велел делиться, чтобы не провоцировать зависть и интриги.

Заодно мы отдали весь транспорт, что получили сначала, а командование от щедрот «под логистику» выделило нам три достаточно новых «унимога» с тентом, так что техникой отряд теперь укомплектован лучше некуда.

Сейчас переоборудование машин заканчивали. Один из полицейских «инкасов» уже почти переоборудовали во что-то вроде командно-штабной машины, поставив туда мощную связь, а вот по еще одной машине мы как раз ждали информацию от Рашида, который разбирался с имуществом, что мы вывезли из Баффало. Предполагалось поставить туда ФЛИР на выдвижной штанге, но мы пока так и не знали, есть у нас эти приборы в требуемом виде или нет.

Закончим – и вот тогда сразу же двинем на войну.

Еще один контейнер – это штаб. Поначалу мы попытались разместиться в основном здании базы, нам даже выделили большую-большую комнату с компьютерами, но оказалось, что там все же неудобно. Штабной работой у нас от силы три человека занимаются, люди больше тренируются и работают с техникой, так что перенесли все это прямо в ангар. Так жить оказалось проще, все под рукой.

Едва сел за стол, зазвонил телефон. Снял трубку – Шон, бывший коп из Портленда, что в штате Мэн, который у нас кем-то вроде начальника контрразведки числится, помимо всех остальных обязанностей. Мужик толковый, уже доводилось иметь с ним дело.

– Привет, как дела?

– Нормально. Как у тебя?

– Тоже. Ты Мартенсена из Вайоминга помнишь?

– Конечно.

Мартенсен в том Баффало, что в Вайоминге, где теперь официальная столица Территории, а не в том, откуда мы вчера прилетели, командует ополчением. И да, я его помню и с ним знаком. Нормальный мужик, к слову, дело иметь можно.

– Он здесь сейчас, хочет с тобой поговорить.

– Прямо сейчас? Я бы через полчаса пришел.

Черт, мне надо бы с Рашидом все же пообщаться.

– Это нормально, он тут еще пару часов будет.

– Приду.

Интересно, что это Мартенсену от меня могло понадобиться персонально? Общие проблемы с Территорией Вайоминг у нас есть, но с ними проще к моему командованию, а не ко мне. Мы с ним общались, но как бы дружбы тесной не случилось, по службе, да один раз в баре столкнулись, когда он мне пиво проспорил. Кажется, на пиво тогда спорили... нет, на деньги, он мне сотню местных долларов проиграл, а я как раз платил за пиво.

Мартенсен встретился со мной на улице, у входа в главное здание. Увидев идущего меня, он сделал несколько шагов навстречу, протянул здоровенную ладонь для рукопожатия. Он вообще весь здоровенный – и ростом, и шириной плеч, – хоть и худой.

– Ты здесь уже большим боссом стал?

– Большим? – удивился я. – Нет, так себе босс, расти еще и расти. Как там у вас?

– Ничего не меняется. Люди приходят понемногу отовсюду, тоже растем. Жена все летает?

– Больше учит, она по профессии именно пилот-инструктор.

– Это лучше, чем над пустыми землями летать, – одобрительно кивнул он. – Передавай привет при случае.

– Обязательно.

– Тобой федералы интересовались, – вдруг резко сменил он тему разговора. – Поплавски сначала сказал, а потом они ко мне приходили.

– А кто именно и зачем? – изобразил я некое удивление.

– Кто именно? – переспросил Мартенсен. – Сейчас...

Он пошарил в поясной сумке, выудил из нее чуть помятую визитку с логотипом DHS и гербом, прочитал:

– Юджин Пикетт, старший специальный агент. Знаешь такого?

DHS, или Департамент безопасности отечества, или ДБО, если русифицировать – единственная федеральная структура, которая сохранилась из числа тех, что вели разведку, контрразведку и борьбу со всяким криминалом. Федералы сочли, что при нынешней численности населения содержать все эти ФБР, АНБ и прочих получается накладно и неразумно, поэтому всех свели под одну крышу, как раз ДБО.

– Он уже и агент, и еще старший специальный? – удивился я. – Да, я его знаю, он в Гарден-Сити, Канзас, был кем-то вроде... а черт знает кем он был, он всем подряд занимался. В прошлом он коп, работал в Канзас-Сити, насколько я помню. И что ему понадобилось?

– Мне он ничего об этом не сказал, Поплавски тоже понял только то, что федералы тебя зачем-то ищут. И они на тебя злы, как ему показалось. Что ты там натворил?

– Трахнул девку из сити-холла и уехал, не предупредив, вроде бы все.

– Ничего ценного не прихватил? – усмехнулся Мартенсен.

– Я на своем самолете улетел. Если они вдруг не начали считать его своим, то ничего. Если начали, то пусть трахнут себя, потому что самолет мой и я вместе с ним на работу нанялся. Даже выданное оружие оставил на месте.

– Ты работал в Гарден-Сити? – удивился он. – Чужой там работал?

М-да, лишнее ляпнул. Надо выкручиваться.

– Там забавно получилось. Они с анализами ошиблись, а я поначалу вообще ничего не знал ни про каких чужих. Так что месяц я там проработал. Правда, к концу месяца понял, что надо смываться, если не хочешь жить там в клетке, и просто ждал удобного момента.

Вроде нормальная версия... относительно.

– Впервые слышу, чтобы с анализами ошибались.

– Образцы перепутали, я так понял. Не мой проверили.

– Понятно. И все же ищут они тебя зачем? Чужой и чужой, вас тут целый анклав.

Что в тебе такого?

– А что Пикетт говорит?

– А что ты скажешь? – усмехнулся Мартенсен, ответив вопросом на вопрос.

– Перед тем как сбежать, я связал и запер в его же доме одного федерального чиновника.

Никаких телесных и прочих повреждений ему не нанес, уверен, что его через пару часов уже освободили.

Надеюсь, что освободили. Некий дискомфорт от того, что я оставил связанным Липперса, я все же испытывал, надо сказать честно. Все думал о том, что я его вот так кинул, а в дом к нему вломилась какая-то тварь... хоть и бред, дом был заперт, и решетки на окнах, и Пикетту я письмо передал через своего механика, в котором описал бедственное положение федерального представителя.

– Зачем?

– Чтобы не поднял тревогу, понятно зачем. Да нет, – махнул я рукой, – не было там ничего серьезного настолько, чтобы за мной специально гоняться.

– Ну да, там есть обвинение в незаконном лишении свободы. Но если это так, как ты сказал, то действительно ерунда, никто специально гоняться не станет. Так почему гоняются?

Вообще-то много вопросов, можно вместо ответа вежливо послать, но посылать Мартенсена и говорящего сейчас через него Поплавски совсем не хочется. Поплавски там закон и отнесся ко мне очень по-человечески, прикрыв от преследователей из Южной Дакоты, где у меня с местными, с подачи тех самых федералов, к слову, случились непонятки, завершившиеся стрельбой. Да и сейчас он меня прикрывает по факту хотя бы тем, что передал информацию о том, что меня ищут.

– Ты знаешь, зачем ловят чужих? – спросил я его.

Мартенсен поморщился, затем кивнул все же:

– Закрытая информация, но да, я знаю.

– А у меня кровь какая-то аномальная, как и у моей жены. Поэтому меня сразу как чужого и не опознали на самом деле. И не опознали бы дальше, но так случилось, что Пикетт правду все же узнал.

– И ты просто смылся?

– Естественно. Я же искал жену, мне как бы плевать было на все остальное. А вот они уже отпускать меня не хотели.

– Из-за аномальной крови?

– Да. – Я решил во все подробности не вдаваться. – И меня совсем не привлекает перспектива стать подопытным кроликом для федералов. Ни меня, ни жену не привлекает.

– В Вайоминге ты преступлений не совершал, по нашим законам тебя выдать очень трудно, но...

– Федералы могут надавить?

Мартенсен кивнул:

– Могут. И сильно. У нас есть люди с синдромом, им нужна сыворотка. Сыворотку дают федералы. Только федералы, и никто больше.

Ну да, именно так они натравили на меня тот маленький анклав в Южной Дакоте – через сыворотку. В этом мире мощней рычаг и не придумаешь, пожалуй.

– Технология ее получения – секрет, насколько я понимаю?

– Абсолютный.

Ну да, мы оба легко можем додуматься до простого вывода: в Вайоминге людей не так уж и много, если бы технология получения сыворотки была известна, то мы могли бы и напрямую договориться, ради такого дела нашлось бы и достаточно доноров в нашем анклав. Но федералы рычаг терять не хотят, так что все это будет храниться в тайне.

– И где Пикетт сейчас?

– Вроде бы сегодня собирался улетать, но не знаю, я улетел раньше.

– Куда, кстати, ты не знаешь?

– В Гарден-Сити, самолет был оттуда. Там вроде как оперативный центр DHS организован теперь по работе с нефедеральными территориями.

Интересно, Пикетт и раньше был федом или сейчас нанялся к ним? Хотя это и не существенно. А вообще новости так себе, прямо скажем, я надеялся, что или мой след потеряли, или плюнули и решили, что пусть валит, то есть пусть я валю. Но так не вышло. И плохо, что ищет именно Пикетт. В чем-то хорошо, наверное, потому что он все же человек порядочный, я его достаточно узнал, но плохо в том, что он наверняка знает про Люси. И это уже рычаг против меня. Если Настя узнает... мои объяснения, что я сделал это для того, чтобы получить доступ к информации, а по этой информации найти ее, Настю... это будет звучать жалко и просто по-идиотски, как из плохого сериала. И что самое смешное – это чистая правда. Да, я спал с Люси потому, что она имела доступ к базе данных тех чужих, что попались федералам. И через нее я узнал, что Насти среди них нет.

Но для Люси это было явно что-то серьезное, я это чувствовал, и когда я сбежал... не знаю, как она отреагировала.

И не знаю, как реагировать теперь самому. Вот не грехи, чтобы этот грех не вернулся и не вцепился зубами тебе в задницу вроде бы, но... а как еще было искать жену в тот момент? Только потому, что Люси придумала себе любовь и подпустила меня к информации, я смог понять, куда мне надо лететь.

И да, Люси вовсе не такая плохая, точнее, она даже совсем хорошая, и мне было ее жаль, и мне было с ней трудно именно потому, что хорошего человека обижать тяжело и мучительно, а я точно знал, что просто использую ее. И все равно, если Настя узнает...

– Пикетт вычислил, куда ты отправился дальше, – сказал Мартенсен.

– Было бы смешно, если бы он не вычислил, – хмыкнул я. – Куда еще мог отправиться чужой из Баффало, если не сюда.

– Мы не дали ему информации, ни я, ни Поплавски, но он опрашивал людей, а тебя уже многие видели и знают.

– Это понятно. Кстати, как Поплавски?

– Он уже шериф, две месяца назад были выборы.

– Ничего себе. – Я присвистнул. – Мои поздравления.

– Передам. В общем, я сказал все, что должен был сказать. Дальше ты сам решай, что делать с этой информацией. Но я уверен, что на этом дело не закончилось, они действительно тебя ищут и будут пытаться как-то достать.

– Хорошо, я понял, спасибо, – протянул я ему руку.

На этом мы расстались, Мартенсен пошел в штаб, а я на базу отряда, озадаченный по самое не могу. Вот не было печали, а? Понятно, что это не сюрприз, я этого ждал и даже с Настей обсуждал, хоть и не во всех деталях, понятно, но одно дело, когда ты ждешь неприятностей и при этом втайне надеешься, что они обойдут тебя стороной, и совсем

другое, когда выясняется, что они вовсе не обошли, а как раз и случились. Гадство какое.

Как быстро меня вычислят здесь? Думаю, что уже вычислили. Как? Да с помощью агентуры. Руку на отсечение за то, что с выжившими чужими в анклав попало много агентов федералов. Сейчас, пока никакая разница в скорости старения еще не проявилась, а тестов на кровь «свой-чужой» у нас просто нет, внедрить агента не составляет никакого труда. Кто угодно может быть, и ферму ставлю на то, что они и в нашем войске есть. Потому что мы руками и зубами хватаемся за любого специалиста и сразу приставляем его к делу, так что... выводы делайте сами. На месте федералов я бы таких агентов сюда насовал десятки, на все места.

И что этот агент может сделать?

А вот это уже другой вопрос. Организовать похищение и вывоз похищенного в таких условиях – тоже чистая фантастика. Особенно учитывая тот факт, что я вообще осторожный, всегда вооружен и умею этим оружием пользоваться. И рядом со мной обычно другие люди. То есть вероятность того, что что-то при похищении пойдет не так, близка к единице. И потом как? Как вывезти меня к федералам? У нас же никакого трафика нет, а ехать на машине самостоятельно через бандитские земли – это уже даже и не русская рулетка, а намного хуже.

Воспользоваться авиацией?

Вот это ближе, если, например, меня как-то нейтрализовать и вывезти за город, а туда, опять же, например, прилетит вертолет. Хотя для вертолета далеко...

Что бы я сделал, если бы похитил сам себя и мне надо было бы меня вывезти?

Нужен самолет. Самолет может сесть в Форт-Мак-Мюррей, там полоса свободна, а дотуда машиной из Колд-Лэйка часа три езды. И дорога без заторов.

Связь с начальством? Спутниковый телефон. У нас их нет, федералы заблокировали все левые подключения, но у них спутниковые пока работают. Ни у кого я здесь случайно спутникового не видел? Вроде бы нет. Это как Штирлицу с парашютом ходить, получается.

Да, то есть так и выходит: нейтрализовать, затолкать в машину, вывезти в Форт-Мак-Мюррей и вызывать самолет. Или, если использовать Баффало как базу, например... дадут там федералам базу строить? Хотя в Вайоминге их и не любят, но... думаю, что федералы смогут быть по-настоящему убедительными. Тогда можно прилететь и на вертолете с допбаками, например?

Нет, стоп, не получится, это рейс туда и обратно, все равно заправлять надо. Если только не выделять еще и большой вертолет с грузом топлива для вертолета поменьше и организовывать дозаправку... смысла нет, проще самолетом до Форт-Мак-Мюррея. Да, именно так.

То есть надо оглядываться, получается. И Насте – вдвойне, потому что она такая же, как я, и еще она такой рычаг против меня, которым... понятно все.

Закончилась спокойная жизнь, мать ее.

И кстати, надо бы теперь внимательней фильтровать тех, кто хочет вступить в отряд. Не думаю, что кто-то нежелательный уже проскользнул, Пикетт только объявился, но вот дальше можно ждать чего угодно. И кого угодно.

И нужен тест «свой-чужой». Собственный тест. Пусть как хотят, так и рожают. Только к кому с этим идти? Если только к Теренсу, вот он с гарантией чужой, например, и вхож почти везде. И он мне уже обязан, к мутному пятну мы с ним ездили. Только результаты его анализов я еще не знаю, но Теренс приглашен ко мне на барбекю, там и поговорим.

Хотя бы Рашид сегодня порадовал, сказал, что выдвигной ФЛИР у нас все же есть, а еще начальство выделило нам РЛС ближней разведки. Так что один из полицейских LAPV сразу же, не откладывая ни на минуту, пошел в переделку в разведывательную машину, а во втором начали освобождать заднюю часть кузова для перевозки оборудования. Технари пообещали установить ФЛИР за пару дней, там ничего сложного, проблема лишь сделать люк над прибором таким, чтобы не протекал. Но сделают, никакой ракетной науки, как любят выражаться американцы, в этом нет, с такой задачей средний реднек в своем гараже легко справляется.

Проблема остается с ФЛИРом для вертолета. Или вертолета с ФЛИРом. У нас, как я говорил, две вертушки – одна слишком маленькая, чтобы в нее поставить что-то подобное, вторая нужна по другим задачам, оборудование для наблюдения довольно громоздкое. Скорее просто придется сажать в «робинсон» наблюдателя, а тот пусть... ну, можно попробовать использовать НОД^[2], только как его установить? Подвесить в дверном проеме, как поначалу во Вьетнаме американцы подвешивали на банги-кордах^[3] пулеметы?

В «хьюи» мы самодельный блок приборов из НОДа, тепловизора и видеокамеры устанавливаем на пулеметную турель, но с «робинсоном» так не получится.

Вспомнить про «пограничную» вертушку на базе в Ниагара-Фоллз? Отберут ведь. И базе с нее должно что-то обломиться, а я пока не придумал, что именно.

Нет, нам все же «робинсон» не перепрыгнуть, потому что только он может ездить с нами на трейлере, а с большими вертолетами так не получится, там уже какая-то база нужна. Надо экспериментировать с компактными приборами и думать, как их устанавливать.

Ладно, пока удовлетворимся тем что есть. По крайней мере, хорошие видеокамеры у нас есть, так что с наблюдателем снимать землю получится, ну и НОД попробуем пристроить. А дальше видно будет. У нас еще по плану разведка в Бондэри-Бэй, рядом с Ванкувером, где тоже должна быть полицейская техника для наблюдения, и если есть, то мы ее как-то еще поделим.

Но вообще преимущество в средствах обнаружения для такой войны, какую нам вести, то есть на больших пространствах и почти без населения, – первейшее дело. Кто кого первым обнаруживает, тот и выигрывает. У нас на базе в Грейт-Фоллз были самолеты, и из-за этого мы могли заранее реагировать на маневры банд. Мы их регулярно обнаруживали с воздуха, а у них самолета не было.

Если мы сможем обнаруживать ночью, следить незамеченными и поддерживать связь с основными силами – мы в своей боевой мощи растем невероятно. Вся история войны американского флота с японским состояла в преимуществе в разведке. У американцев уже были первые примитивные РЛС, а у японцев еще не было. И никакое соотношение сил «в железе» не могло уравнивать этого преимущества.

Затем позвонил оперативный дежурный по базе и сообщил, что возле Лак-Ла-Биш обнаружили банду. Так что я, опустив телефонную трубку, вызвал по рации Брайана, Алекса, Джастина и Бобби Джо – почти эталонного реднека с невероятно гнусавым произношением, родом из северной Флориды, который во время боя с бандой в Форт-Мак-Мюррей проявил себя отличным бойцом и верным товарищем.

– Брайан, поднимаем птичку, опять сообщение о банде! – крикнул я, выскочив

из штабного модуля.

Таких сообщений довольно много. Кто-то что-то перепутает, где-то проедут просто не местные машины, а люди сейчас с оружием, в общем – сразу поднимают тревогу. Поскольку теперь именно я главный борец с бандами, то сигнал немедленно переадресовывают мне. Подобное паникерство даже поощряется, потому что пропущенный налет банды наносит обычно страшные потери – погибшие и увезенные люди, сожженное имущество, репутационные издержки власти. Так что всегда реагируем.

На этот раз сообщение всерьез, от патрульного самолета, спасибо Насте, что обучила целый взвод пилотов, а вот они ошибаются редко. Перехватить банду, даже если это и вправду банда, мы все равно землей не сможем, до Лак-Ла-Биш две сотни километров, но вот разведать или даже потрепать с воздуха – это вполне. Люди у меня учились вести огонь из пулеметов с борта вертолета, что, к слову, вовсе не так просто.

Нам бы еще какой-нибудь более или менее всерьез вооруженный вертолет занять, но это уже мечты. Вспомнились те «маленькие птички» в Гарден-Сити, с блоками ракет и «миниганами» на подвеске.

– Машину связи выгоняй на открытое! Миллер, дежуришь по связи, Джейн с тобой. – Это я уже второму связисту, который Джейн работать со всей магчастью и обучал, он пришел в отряд сразу после событий в Форт-Мак-Мюррее, по рекомендации, как отличный радист, каким и оказался.

В общем, учебный вылет. Бобби Джо с Джастином на пулеметы, Алекс за наблюдателя, с Джейн все ясно. Если все же банда, то посмотрим, что они попытаются сделать. Если будут уходить – проследим. Начнут вести себя плохо – поработаем из пулемета. Выдвигаться землей пока смысла нет, далековато.

Больших банд в окрестностях нет вроде бы. Большой банде нужна кормовая база, а здесь вокруг пустота, только наш анклав и есть. Поначалу какие-то банды ошивались и нападали, но в последнее время отработали систему наблюдения, смесь мобильных постов и патрулирования самолетами, так что активность упала, банды откочевали. С одной стороны, здесь трудно кого-то перехватить и трудно оборонять такую огромную территорию, практически прямоугольник двести на двести километров. Но у любой медали две стороны. Второй стороной оказалось то, что здесь и от преследования негде укрываться – местность ровная как стол, даже ферм немного за городскими пределами. И когда в анклаве начали летать самолеты, налеты на нас перестали себя окупать. Даже если банду не обнаруживали на подходе, то уйти ей было еще труднее. Ну и оборона анклава постепенно становилась все лучше и лучше, рассчитывать на легкую добычу уже не стоило.

Понятно, что можно жить и без налетов, но костяк всех банд обычно «синдромники», у них свои потребности. И выходит, что все тревоги последнего времени оказываются больше ошибочными. Или учебными, тут с какой точки зрения смотреть.

Едва вертолет успел набрать высоту, я установил связь с самолетом-наблюдателем, тем, что засек банду, или кто там еще ехал. С самолета сообщили, что четыре внедорожника, все вооружены. Могут быть бандиты, а могут и какие-то выжившие, забравшиеся не пойми куда и заодно вооружившиеся. Есть же сообщества вроде того, что в Раундапе, Монтана, где поселились те, кто не хотят присоединяться ни к какому анклаву. Довольно много людей, достаточно для того, чтобы контролировать свою территорию и отгонять бандитов, пока те не объединились. Вот у них я подобные машины видел, военного имущества им не досталось.

Погода по-прежнему ясная, даже ветер немного стих, кажется, так что с пилотского кресла «хьюи» видно далеко. Поля под нами возделаны, в полях трактора, на дорогах машины, даже людей замечаю с этой высоты – и вправду жизнь внизу. Смотришь и веришь, что наш анклав тоже состоялся, что мы свою жизнь как-то организовали. И как же не хочется, чтобы это кто-то сломал и испортил. А вот федералы это сделать попытаются. Даже если не сломают, то жизнь попортят, чтобы, так сказать, базу для переговоров и достижения договоренности создать. Капоне не зря говорил, что добрым словом и револьвером можно достичь куда большего, чем просто добрым словом. И большинство правительств в это верят безоговорочно.

Все же очень некомфортно ощущать себя добычей, а то и вовсе сырьем для сыворотки. И даже на место федеральной власти легко себя поставить: что им предпочесть, здоровье более чем сотни тысяч своих людей или права полутора десятков тысяч каких-то чужих? Они ведь чужие, что о них думать? Что бы я сделал на месте главного федерала? Да вот то самое, что они и сделают: пуганул бы, продемонстрировал превосходство в силах, потом бы договаривался.

Идти войной? Нет, с войной бы подождал, пожалуй, все же людей слишком много погибло и так, могут не понять. Одно дело бороться с бандами, другое – воевать черт знает где за захват каких-то пленных. Для этого, наверное, надо свое общественное мнение готовить и версию придумать получше, чем та, что является дежурной, про «распространителей инфекции». Тем более что «распространители» на другой конец материка сбежали.

Когда ожидать начала проблем? Думаю, что прямо сейчас. И мне сидеть тихо уже нельзя, надо идти к... к Уоррену Блэйку надо идти, именно он настоящая власть в анклаве, все решения на самом деле принимает он. А если и не он, то он может любое другое решение изменить, отменить и поправить. Миллиардер в своей прошлой жизни, создатель местного нефтяного комплекса в своей реальности, который, провалившись, добрался сюда и сумел возродить «Хаски Энерджи» в этой реальности. Вообще-то поступок вызывает уважение своей масштабностью, что ли.

Самолет постоянно давал поправки в координатах цели, но в общем их маршрут был понятен – машины уходят в направлении на Атабаску, что уже подозрительно, потому как наблюдение их засекло при движении в направлении на нас. То есть увидели, что обнаружены, развернулись и дернули обратно. С чего вдруг такая пугливость? На границах анклава у нас везде плакаты развешаны с сообщением о том, что это граница анклава Колд-Лэйк и что за этой границей вот такие вот правила, после чего недолгий список. Ничего экстраординарного, нормальным людям пугаться нечего. Держись главных дорог, остановись на блоке, дай себя досмотреть, сообщи место и цель следования. Да и все, в сущности. Чего пугаться?

По самолету с машин не стреляли, но самолет от них наверняка далеко, потому что на нем установлен хоть и не ФЛИР, но мощная видеокамера, так что наблюдать получается с километра и дальше, погода позволяет, а бить по самолету из пулеметов на таком расстоянии – чистый расход патронов.

– Кэп, что делать планируешь? – запросил по внутренней связи Алекс.

– Дадим предупредительные. Если не остановятся и тем более начнут отстреливать – вести огонь на поражение. Брайан! – окликнул я пилота.

– Кэп?

– Не выходи на них в лоб и не подставляй хвост. Все время облетаешь по кругу, понял?

– Я знаю.

– Ну и молодец, так что так и делай.

В летящий вертолет проще всего попасть, когда он идет прямо на тебя, там поправку разве что на дальность надо делать, что несложно. Увидел попадание – тогда вообще все просто становится. И если в уходящий бить – то же самое, разве что в обратном порядке. А вот когда вертушка обходит тебя по кругу, то попасть становится тяжело. Если нет специального зенитного прицела, каких я здесь еще ни разу ни у кого не видел, то упреждение берешь наобум, не зная толком ни дистанции, ни скорости цели. При этом пули уходят в воздух, по попаданиям ориентироваться не получается, это не по земле стрелять. И даже от трассеров толку на самом деле мало, все равно не получается понять, как далеко он прошел.

А вот тренированный стрелок с борта может работать куда эффективней, особенно с трассерами – он видит попадания, так что взять поправки прямо «по струе» куда легче. На это и расчет. Но рисковать все равно не будем, нам важно не убить, а хотя бы напугать и прогнать. Сам факт того, что банду обнаружили с самолета и тут же прилетел вертолет, заставит делать выводы на будущее. Чаще всего вывод такой, что лучше искать добычу в другом месте.

– Вижу цель! – известил я экипаж.

Сразу и самолет увидел, он повыше нас метров на триста, и машины на дороге. Да, четыре машины, в бинокль детали видны, все пикапы, как обычно, в кузовах пулеметы... и какую-то броню вижу... кабины прикрыты, частично стрелки вроде как...

Немного странно, потому что обычно банды двигаются еще и с грузовиками, чтобы было куда складывать добычу и стонять пленных, на трофейные машины не всегда приходится рассчитывать. Все же рассчитывали? Или разведка?

На идущем вторым пикапе заработал пулемет, в нашу сторону потянулись трассы, хоть и не слишком точно. Брайан тут же перевел машину в пологий вираж.

– Огонь! – скомандовал я.

Затарактел пулемет с правого борта, там Бобби Джо за прицелом. Встречные трассы сначала взбили пыль в поле рядом с дорогой, перескочили к машине, довольно точно сосредоточились на стреляющем пикапе, потом на следующем. В ответ противник ударил из всех четырех стволов, мне даже показалось, что достаточно близко, но все же никто не попал, именно что из-за неправильного упреждения.

Бобби Джо добил в машины ленту-сотку, Брайан изменил траекторию со сменой высоты, увел вертолет на дальний разворот, чтобы дать теперь стрелять Джастину и не дать все же пристреляться стрелкам с земли.

Джастин тоже достаточно быстро поймал машины в верный прицел, я точно видел, как трасса сконцентрировалась на третьей, оттуда огонь прекратился. Стрелка свалил, похоже.

Пикапы гнали изо всех сил, стрелкам на них не хватало опыта взять поправку – и машина несется и раскачивается, и мы движемся, и дистанция черт разберет какая. Все же видеть попадания, как мы, – великое дело.

Потом встала головная машина – несколько пуль угодило в капот, ну или мне так показалось, затем левый пулемет замолчал, и Брайан снова повел «хьюи» на смену борта. Алекс, который как наблюдатель особо нужен не был, уже все отнаблюдал что хотели,

взялся за свою самозарядную снайперку, расстрелял магазин. У нас, к слову, были занятия по программе aerial platform sniper^[4], и Алекс там квалификацию подтянул, так что сейчас демонстрирует.

Бам-бам-бам – как палкой по кастрюле, негромко так – все же попали в нас. Брайан, даром что неопытный, резко сменил высоту и чуть подбросил скорость, я видел, как очередная трасса прошла впереди и ниже, прицел потерян. Взгляд на приборы – вроде как никаких проблем не вижу. На самом деле сбить даже небронированный вертолет не так уж и просто. Хотя он сам по себе и большой, но уязвимых узлов в нем не так уж и много, и места они тоже занимают так себе. Большая часть силуэта уязвима разве что для пушки, которая фюзеляж развалит, а пулеметная пуля, пусть даже крупного калибра, – это просто сверло, сделала дыру и дальше полетела.

Опять наши попадания вижу, по броне последнего пикапа пришлось.

– По кабине старайтесь бить и по капоту, сверху защиты никакой.

Это да, там только боковые листы установлены, от попаданий сверху никакой защиты. Самоделка. Да и у нормальных бронемашин броня сверху обычно тоньше бортовой.

Гонки с пикапами продолжались минут пятнадцать – двадцать, наверное. Вертолет улетал, перезаряжал один из бортов, снова возвращался. В конце концов нам удалось остановить головной пикап, откуда трое перескочили в кузов следующей машины, и по тому кузову тоже несколько раз прошли очереди. Насколько эффективно – отсюда не видать. Дальше машины понеслись по проселкам в разные стороны, причем стрелял у них только один пулемет, поэтому я счел нашу атаку успешно завершённой – «противник рассеян».

Самолет, по прежнему выписывая плавные круги, продолжал наблюдение, так что я, чуть подумав, скомандовал Брайану:

– Давай обратно к подбитому и садись на дорогу рядом с машиной, посмотрим, кто такие.

– Принял. А не вернуться?

– Долго возвращаться будут, мы далеко отлетели, – покачал я головой. – За пулеметами внимательно! Алекс, держи машину постоянно!

Не хватало, чтобы там кто-то живой оказался и в последний момент пальбу открыл. Был у нас в Афгане подобный случай в другой роте, когда не замеченный дух прямо из куста на краю арыка вдруг открыл пальбу по садившейся «восьмерке» через задний блистер с дистанции метров в двадцать, убив одного десантника и ранив двух других. А думали, что местность зачищена и вообще никого там быть не должно. Никого и не было, причем, судя по всему, этот дух там просто мимо шел, а на звук двигателя спрятался. А пилот выбрал место для посадки рядом с его укрытием.

«Хьюи» завис метрах в двадцати над землей, затем пошел вертикально вниз. Земля в блистере под ногами медленно надвинулась, затем я ощутил касание полозьев.

В машине было пусто, похоже.

– Глуши. За пулеметами внимания не терять. Алекс, прикрой.

Открыв дверь, я выбрался из кабины, инстинктивно пригибаясь под вращающимися лопастями, хоть до них было далеко, и держа короткий Р90 наготове, направив его на открытую дверь пикапа. Внутри машины пусто... точно пусто. В кузов так просто не заглянешь, он сбоку высоко поднятым стальным листом прикрыт, так что обошел сзади.

Труп. Стрелок. Свалился с сиденья в угол головой, неестественно согнув шею и упершись подбородком в грудь. Куда ему попало, не вижу, но кровь течет на лицо из-под

каска. Все же в башню тюкнуло, похоже. Шлем на нем военный, кстати. Рядом автомат лежит, обычный военный М4 с какой-то коммерческой оптикой. Пулемет... опять же старый М60, как тот, что мы когда-то с бандитским пикапом захватили, коробки с патронами выстроены у борта.

Влез в кузов, заставив машину чуть качнуться, присел рядом с убитым. На лице татуировок нет. Это ничего не значит, но все же во многих бандах себе партаки на морде бьют, чтобы вроде как самого себя обозначить раз и навсегда. Обычно это обязательное. Руки у него без перчаток, на ладонях тоже никаких татуировок.

Так, теперь карманы неплохо бы обшарить, вдруг что-то найду?

Нашел бумажник. В нем федеральные доллары и немного денег из Вайоминга. Не так чтобы мало, но и не бешеные деньги, кредиток сейчас нет, так что подобная сумма может у кого угодно оказаться. Но опять же показатель – не похож на бандита, те избегают людских анклавов, и деньги на расходы держать в кошельке... можно, наверное, но как-то не совсем стыкуется.

Так, водительское удостоверение, старое, докатастрофное, так сказать... да, его, хоть на фото он немного моложе. Штат Калифорния, адрес... хрен знает что это за городок... вес, рост, цвет глаз – все соответствует. Джозеф Моралес, с виду на латиноамериканца не похож, наверное, уже не в первом поколении.

Так... еще какая-то бумажка смятая и истертая в кармане, просто завалилась... Вытащил, развернул – счет из мотеля. «Комфорт Инн», Баффало, Вайоминг. Три ночи.

Хм.

Интересно. То есть этот человек останавливался в нормальном мотеле в нормальном городе. Так что он, скорее всего, все же не бандит, так? Тогда почему они приехали сюда, почему так странно себя повели и почему сбежали? Что я упускаю?

Он не из Вайоминга, потому что ночевал там в мотеле. Вместе с остальными? Очень даже и вполне себе возможно. Большая компания не слишком умных людей должна болтать. Может, даже пить и болтать еще больше. Почему не слишком умных? Потому что повели себя как придурки, а иначе зачем в драку влезли? Никакой бандитской символики на машине нет, а вооруженными все сейчас катаются, могли бы с честным лицом и ясными глазами заехать куда угодно и попросить, например... в мотеле остановиться, или там еды купить, или машину починить. Или вообще ничего не объяснять, приехали и приехали, какие проблемы, худого же не делаем.

Или они все же что-то сделали, отчего им не хотелось ни с кем общаться? А самолет, например, оказался сюрпризом, мы же на отшибе живем и о своих мерах обороны весь мир не оповещаем. Может так быть? Может.

Но вообще интересно, я ради такого дела бы и в Вайоминг слетал узнать, что к чему. Более того, просто надо слетать, потому что очень это все странно выглядит. Жаль, труп только один, потому что на других тоже любопытно было бы глянуть. А вообще рискованные ребята, через Монтану проскочили... или они крюк дали, объехали опасное место? Или ехали через Раундап? Там все же маршрут безопасней, там просто анклав, и плюс это направление с запада прикрыто нашей базой.

Хм. Если через Раундап, то там их тоже могли запомнить. А мы вроде как в дружбе с тамошними.

Нет, точно надо лететь, это что-то интересное и важное, похоже. Может, даже проявление ненужной активности тех же федералов.

Еще в пикапе нашлось три рюкзака с вещами, я их просто перебросил в вертолет, чтобы потом покопаться внимательно, может, и там что-то примечательное найдется. Вроде квитанции из мотеля.

Близость к Вайомингу дает прекрасную говядину. Вайоминг на этот счет такой мини-Техас, полный тучных стад. Кстати, мне еще Джо, формэн на ранчо Бада, объяснял, что Техас на самом деле прокормить такое количество скота не может, не тот там климат, и даже орошение не поможет. В Техас везли всякий корм из той же Южной Дакоты, Небраски там или других кукурузных штатов, и им скот выкармливали. В Вайоминг же повезли зерно из Альберты, то есть прямо от нас, а взамен к нам поехала вот эта самая роскошная говядина. То есть случилось разделение труда, так сказать, к взаимной выгоде.

А свинина у нас своя, свиinarников хватает и кормов для свиней. И кур полно. А к чему это я? Да к тому, что на гриле у меня сейчас что только не лежало – и небольшие стейки, и свиная вырезка, и куриные грудки с острой приправой, и колбаски.

Середина дня субботы была великолепна, самый август, самая теплынь в самом разгаре. Во дворе пахло свежей травой – я с утра лужайку выкосил, – горящими углями, жарящимся мясом. Наверное, это и есть самый летний, дачный такой набор запахов. Или загородный, в моем случае, учитывая даже прошлое место жительства.

На задней террасе был накрыт стол, где пока только мяса и не хватало, а гости в ожидании его сидели кто где, больше с бутылками пива или бокалами вина в руках, болтая кто о чем.

Мне у гриля составлял компанию Теренс – высокий и тощий как смерть черный парень родом из Луизианы, который провалился в этот мир из Детройта, где работал в городской комиссии по зонированию. Там он по долгу службы, так сказать, спустился в темный подвал заброшенного здания, где у него неудачно погас фонарь. Надо ли говорить, что выбрался он из подвала совсем не там, где спустился.

Не буду описывать весь его путь, но закончился он на должности начальника базы в Грейт-Фоллз, той самой, где я сам начал службу на благо анклава, как раз под началом самого Теренса.

А еще у Теренса, когда он провалился, был рак. В четвертой, то есть терминальной, стадии, с метастазами и смертным приговором. Но здесь, в этом мире, развитие болезни остановилось. В анклавe были достаточно хорошие врачи, которые работали в достаточно хорошем госпитале для того, чтобы подтвердить такой диагноз. Рак остановился в своем развитии. Теренс жил себе и жил, все сроки для того, чтобы он взял да и умер, уже прошли, а он все не умирал.

Для меня это сюрпризом не стало. Время для чужих в тех мирах, куда они провалились, течет по-другому, совсем не так, как для местных.

– Время – категория скорее философская, – повторял я сейчас для Теренса чужие слова, которые когда-то слышал в Углегорске от профессора Милославского. – Вот эти часы, минуты – это вовсе не время, это единицы его измерения. Они могут быть длиннее, короче, они могут называться как-то по-другому, но именно течение самого времени это никак не изменит. Не важно, проживешь ты сто лет или четыреста кварталов, но на самом деле это будет один и тот же отрезок. Это как измерять длину метрами или футами.

– Но длина, как и время, категория абсолютная?

– Разумеется. Но это вовсе не значит, что мы все находимся на одной шкале. Один умный, но очень плохой человек мне объяснял, что мы, проваливаясь, по факту отрываемся

от времени, как от... несущей конструкции, наверное. Мы проваливаемся в другой мир, в котором тоже черт знает что творится, но не соединяемся с ним окончательно, время у нас свое. Физически мы живем в нем, то есть у нас рана заживает месяц, насморк лечится за семь дней, но стареем мы в десять раз медленней.

По идее, Теренс должен сейчас начать удивляться и падать в обморок, но мы эту стадию уже прошли раньше, я просто повторялся.

– То есть твой рак тогда не остановился совсем, но очень сильно затормозился. Он не был местным, ты принес его с собой, и время для болезни тоже изменилось. Что сейчас сказали? Тебе и остальным?

Я взял со столика рядом с грилем открытую бутылку пива, отхлебнул из горлышка.

– У всех пошел обратный процесс, опухоли... рассасываются, что ли, – развел он руками. – Все сработало, как ты и сказал.

– Думаю, что они не рассасываются, это другое. – Я поставил бутылку обратно и начал длинными щипцами переворачивать шипящие на жару колбаски. – Если бы кто-то смог посмотреть на... не знаю, снимки, например, самой опухоли... – И сразу перебил желавшего что-то уточнить Теренса: – Я не знаю, как там все это диагностируется, я просто пытаюсь донести свою мысль, так что погоди перебивать. – Тут я сам сбился, но затем продолжил: – Так вот, если бы кто-то посмотрел на снимки самой опухоли в хронологическом порядке, то заметил бы, что она не «рассасывается», а развивается обратно, ровно в том же порядке, каком и развивалась в сторону увеличения, с идеальной точностью.

– Почему? – Вид у Теренса был озадаченный.

Всю теорию целиком я пока ему еще не выкладывал, отделялся короткими объяснениями, откладывая основное на потом, то есть на сейчас.

– Есть мир, а есть его изнанка. Есть свет, а есть тьма... темнота – это не тьма, темнота это просто отсутствие света, – повторял я чужие слова. – Свет – это то что светит, тьма – это то, что темнит, не знаю, как еще сказать. Это нечто абсолютно обратное свету. Где нет света – там темнота, и вот в темноту приходит Тьма. То же самое происходит со временем.

– В смысле?

– Вот смотри. – Я выудил из кармана фартука блокнот с карандашом, специально для этой беседы припасенный, нарисовал некую поверхность, воронку из нее и снизу другую воронку, в которую переходила воронка первая, просто вверх ногами. – Это где мы, где свет. – Я потыкал острием карандаша в поверхность верхнюю. – Эта воронка – это всплески Тьмы в нашей действительности, в данном случае мутные пятна. Чем ближе к эпицентру вот этого водоворота, – я показал на воронку, – тем больше все идет наоборот.

– И время?

– И время. Оно по факту поворачивает назад, в обратном направлении. Я привез тебя... вас всех сюда – и вы, никак не привязанные к течению времени в этом мире, легко последовали за временем прокола... мы проваливаемся через маленькие проколы в действительности сами. Ты понимаешь?

– Ну... вроде бы понимаю. – Вид у Теренса был малость сконфуженный.

– То есть во время этих... сеансов... терапии ты просто помолодел. И твой рак вернулся в исходную стадию. Какая она теперь?

– Похожа на вторую вроде как. – Теренс развел руками. – Но я там чуть с ума не сошел, до сих пор кошмары снятся.

– Лечение приятным не бывает, – усмехнулся я.

Кошмары мне не снятся, но после этих наших «лечебных поездок» меня еще долго потряхивало. Очень трудно выдерживать целыми днями ощущение того, что нечто насильственно сводит тебя с ума. Пусть мы и были в безопасности от тварей в бронированных машинах, но миллиарды бормочущих голосов Тьмы уверенно проникали в мозг, раздирая его когтями на части.

– Это было больше похоже... даже не знаю на что, – скептически скривился он.

– Как бы то ни было, – я взялся переворачивать вырезку, – это действует против всего, что ты принес с собой. Если бы ты был беременным, то плод бы у тебя уменьшился, затем превратился бы в эмбрион, а потом просто исчез.

– Я не беременный, – коротко сказал Теренс.

– Возможно, я же не возражаю. Но возраст мы тоже привозим с собой.

– Я понял. – Теренс чуть нахмурился. – Ты это к чему сказал?

Он мужик умный, я давно это заметил. И сейчас опять оценил.

– Уоррен Блэйк. Ты же к нему вхож?

– В какой-то степени да.

– Он немолод. Он проживет тут раз в десять дольше, чем должен был жить там, откуда провалился, но это не предел, как ты теперь понимаешь. Он может стать моложе.

– Насколько моложе стал я?

– А сколько времени у тебя развивалась болезнь из второй стадии в четвертую?

Он пожал плечами.

– Не так уж долго. Год? Не знаю. И я пока не готов ехать туда снова, если честно. Я бы пока подождал.

– Но год этот к тебе вернулся. Через полгода наберешься духу выехать еще несколько раз?

– Да, наверное. – Теренс задумчиво потер свою короткую бороду.

– Тогда мы сможем за год... отбить еще год, так? То есть уже два.

Пусть в Углегорске о таком феномене знали многие, но омолаживались и лечились так только самые смелые и крепкие, потому что такие поездки действительно чистый экстрим. И опасность здесь на вторых ролях, больше за собственный рассудок боишься. И была такая теория, что те, кто находился рядом с Тьмой слишком долго, становились адаптантами – странной нелюдью, агрессивной и смертельно опасной. В этом мире их нишу занимают психанутые «синдромники».

Но если тебя припрет, как вот Теренса, то съездить к Тьме можно. Другое дело, что в следующий раз он поедет туда сам, без моего участия, потому что всему хорошему есть предел.

– То есть ты хочешь, чтобы я познакомил тебя с Уорреном? А ты предложишь ему скинуть возраст?

– Не знаю, как насчет «скинуть», это трудноато выдержать, а вот совсем остановить старение – вполне. Но не только это. – Я посмотрел Теренсу в глаза. – И кстати, насчет возраста... ты пока сам подумай над тем, что я тебе рассказал.

Теренс, как мне кажется, не понял пока главного – того, что ему отмерен век долгий до невероятности, если не погибнет, конечно. И мне. И всем остальным чужим. Просто мысль эта настолько невероятная, что даже при изобилии фактов сама, без подсказки, в голову не лезет. Вот как ему сейчас.

Он задумчиво посмотрел куда-то мимо меня, затем кивнул, решив что-то.

– Уоррен устраивает вечеринку в честь второй годовщины создания анклага, через субботу. Там будет не слишком много людей, и ты сможешь поговорить. Я организую тебе приглашение.

– Это было бы очень хорошо, – согласился я.

Колбаски уже точно готовы, скоро лопаться начнут, так что их можно снимать с решетки. Я взял со столика щипцы и начал перебрасывать колбаски одну за другой на блюдо.

– Откуда ты так много обо всем этом знаешь?

Вот и снова пришло время главного вопроса.

– Там, у Уоррена, я все расскажу. Или, если хочешь знать заранее, поехали завтра на рыбалку. А сейчас просто некогда, мясо почти готово, а рассказ длинный.

– На рыбалку мы можем поехать, – оживился он.

Теренс рыбак страстный и опытный, он и меня попутно учит, так что без улова с ним не вернешься. И я точно знал, что он согласится.

Прием у Уоррена... а вообще неплохо бы до того момента успеть сгонять в Вайоминг и, может быть, найти дополнительную информацию. И лететь надо чем быстрее, тем лучше, пока у нас заканчивают работу с техникой, потому что дальше мы просто двинем на войну. И самому лететь, чтобы ни на кого там не завязываться, может, взять Роба... или нет, Роб сейчас занят чертовски, взять надо Бобби Джо. Или Клода Люзеля, бывшего охотничьего гида и аутфиттера из Квебека, потому что если случится вынужденная, то с ним выжить проще всего будет. Ладно, позже подумаю, пора начинать на стол подавать.

Людей собралось с десятков, в основном соседи. В общем-то само барбекю было запланировано как способ установить отношения, тем более что соседи, жившие через дом от нас, Клодия и Питер, в прошлые выходные зазвали нас к себе на Sunday roast, то есть на обед, если проще. Сейчас они были у нас. Питер из Нью-Йорка, зарабатывал себе на жизнь небольшим изобретательством всяких вещей вроде сейфа в кровати, который невозможно вытащить из квартиры, комплектов для укрепления дверей и всякого подобного, за счет чего, с его слов, жил вполне неплохо. С Клодией, которая жила в своей действительности в штате Вермонт, в городке, который в этой действительности даже не появился, они встретились просто на дороге, когда пытались выбраться хотя бы куда-нибудь. И все же выбрались, сначала добравшись до базы в Ниагара-Фоллз, а потом уже сюда. Сейчас Питер открыл мастерскую, где производил все подряд, от решеток на окна до опять же комплектов для укрепления дверей своего изобретения. Клодия же работала в бюро по трудоустройству и социальной адаптации анклага.

Сейчас Питер стоял с бутылкой пива в руке у дверей на заднюю террасу и убеждал Настю, что нам обязательно надо установить ту штуку, что он производит. При этом предлагал совершенно бесплатно, так что подозрения в том, что он здесь для того, чтобы продать товар, можно было отметать сразу.

Еще была приятная дама лет пятидесяти, представлявшаяся как Скай, которая снабжала нас, а заодно и половину городка печеньем, тем самым, какое я страсть как любил навернуть с утра под кофе. Был менеджер марины, который жил в следующем после нас доме и который научил меня обращаться с лодкой и мотором, потому как лодку я взял, а как за ней ухаживать – ни малейшего представления не имел.

В общем, разные люди, старающиеся, как и мы, жить обычной жизнью обычного пригорода в мире, который едва не разваливался на куски и в котором в темноте рыскали

жуткие твари, у которых было лишь одно предназначение – убивать людей. Но тема тварей даже не поднималась в разговоре, ее неловко обходили и болтали о рыбалке, охоте, машинах, местных новостях, о новых людях – и ни слова о Тьме и ее производных. Она, Тьма, была как слон в комнате, которого старательно не замечали.

Моя «лайка» так и осталась на базе в Грейт-Фоллз работать разведчиком, так что вылетел в Вайоминг я на хорошо знакомом мне «фоксбэте» с дополнительным баком, попутно пожалев, что до сих пор не удосужился освоиться с «муни» – тем самым небольшим самолетом, что мы с Настей нашли в Форт-Мак-Мюррее и который, невзирая на скромные габариты, способен долететь из Колд-Лэйка до Майами примерно. И который заметно быстрее, чем «фоксбэт», то есть я и добрался бы быстрее, и дозаправиться бы не потребовалось, но... не освоил пока технику, Настя этот «муни» на наш аэродром сама перегоняла. Сейчас «муни» скромно стоял в дальнем ангаре и никуда не летал, а Настя старательно не упоминала о нем нигде. Потому что пусть стоит, мало ли.

В общем, ранним утром синий «фоксбэт» разогнался до пятидесяти узлов по полосе авиабазы и оторвался от земли, быстро набирая высоту и плавным виражом укладываясь на курс. Земля пошла вниз, почти перед самым носом пропеллер расплывался в прозрачный круг, а начинающийся рассвет неожиданно ускорился, по мере того как самолет набирал высоту.

В понедельник вылететь не получилось, все же надо было согласовывать командировку с командованием, но сегодня всего лишь вторник, так что потерял я только один день. Еще вчера я побеседовал с Шоном, который тогда и позвонил мне по поводу визита Мартенсена. Данные, взятые с убитого, у Шона уже были, я его сразу же по возвращении на базу ввел в курс дела, и отнесся он к новости более чем серьезно – неприятностей от федералов он ждал давно. И информацией о том, зачем чужие федеральной власти нужны, он тоже обладал, без всякого моего участия, к слову. Данные о том, что в нас видят исключительно доноров крови, пока были закрыты от населения анклава во избежание паники и всякого неадекватного поведения, но практически все руководство анклава ими владело.

– Думаю, что они начинают нас прощупывать, – сказал мне Шон вчера. – И думаю, что вы накрыли какую-то их разведгруппу, которая маскировалась под гражданских.

– А смысл высылать разведгруппу в таком виде? – чуть удивился я. – Что она разведает? У нас наверняка множество агентов федералов внедрено, мы же никого не проверяем, от них любая информация может поступить, какую ни попроси.

– Ну а зачем тогда они там крутились?

Крутились они там, я думаю, чтобы как-то организовать похищение вашего покорного слуги, а если точнее, то пути подхода-отхода найти, просто не повезло, они не знали о воздушной разведке. Переоцениваю свою значимость? Не думаю, потому что их действия по-другому и не объяснить. Но вот кто непосредственно похищать меня должен? Это уже вопрос.

Вообще-то есть еще вариант: это «гражданские подрядчики». Вроде тех самых людей из Южной Дакоты, с которыми меня однажды свела судьба. Федералы по факту их просто вынудили гоняться за мной, вот и сейчас могли в обмен на какие-нибудь обещания заслать таких же людей. Они и начали как сумели и как знали, то есть сразу же нарвались на проблемы.

Хотя тоже за уши притянуто, пожалуй. Но просто разведка – это вообще ни в какие ворота. Что так разведает? Да ничего. Разве что считать это все разведкой боем, вроде

как «нарвусь – не нарвусь».

– Не знаю я, зачем они там крутились, если честно, – сказал я. – Все варианты объяснения перебрал, и ни один из них не подошел.

– Вот и у меня примерно тот же результат, – вздохнул Шон. – Так что до выяснения буду считать их разведгруппой федералов.

– Ну если только так.

В общем, никакой полезной информации у Шона не было. Мы разве что поговорили с ним о том, что нам не мешало бы обзавестись своим собственным тестом на «свой-чужой», но разговор прошел как-то так... мимо, что ли, поэтому я решил поднять этот вопрос перед самим Уорреном, если Теренс все же сумеет организовать приглашение на прием к нему.

С Теренсом же мы выбрались половить рыбу. И половили, причем довольно успешно, погода способствовала, так что вечером я еще и готовил, но главное было не в рыбе – мы с ним наконец поговорили. И я рассказал ему все, что рассказал когда-то Пикетту, – что я уже был в другом мире, что я знаю больше о Тьме, чем кто-то еще здесь, что меня из-за этого ищут федералы, меня и Настю, разве что не стал говорить о том, что я когда-то здесь жил, а теперь вернулся. Теренсу врать я не хотел, так что сказал честно о том, что у меня это уже второй мир. И что здесь у нас с женой были *предшественники*, которые умерли и место которых мы заняли. И именно поэтому наши отпечатки пальцев, равно как и фото, были во всех возможных базах данных, и именно поэтому мне удалось проскочить за своего в Гарден-Сити до того, как пришли результаты анализа крови.

Кстати, а я ведь так и не знаю результатов. Может, даже никто меня и не раскрыл при помощи этого анализа, кстати. Но это не так уж теперь и важно, на самом деле.

Рассказал я Теренсу и про того человека... или не человека, который именовал себя странником. Того самого главаря банды «синдромников», которого я убил возле насосной станции в окрестностях Форт-Мак-Мюррея. Который оказался не таким же психом, как остальные его подручные, а попаданцем вроде меня и просто моральным уродом. Который уже знает, как идти из мира в мир, и делает это для развлечения и вечной жизни.

Кстати, опять же... а ведь он тогда проболтался, что пришел сюда не один. Кого он, интересно, с собой привел и из какого мира?

Зачем такая откровенность? Ну кому-то все же надо доверять, а именно доверять Теренсу было проще всего. И не только потому, что он считает себя обязанным мне из-за излеченного рака, но и потому, что он просто хороший и надежный человек, я это уже давно понял, еще когда мы вместе служили на базе. Он из тех, чью внутреннюю твердость и прямоту замечаешь сразу и видишь, что это настоящее, не фальшивка.

А друзья человеку всегда нужны. Не будь у меня друзей и тех людей, на кого можно положиться, – я бы еще в Углегорске лапты склеил.

Вылетел я, кстати, один, хоть и планировал взять кого-то с собой. База находится практически на пределе дальности полета этой машины, так что я предпочел дополнительный бак вместо пассажира и груза. Пусть запас хода остается, а то нарвусь, например, на сильный встречный ветер, и все мои расчеты пойдут... лесом.

Но как бы то ни было, а долетел без происшествий. «Фоксбэт» самолет не быстрый, так что до базы в Грейт-Фоллз я добрался за шесть примерно часов, к полудню, воспользовавшись в полете пустой бутылкой для естественных нужд и отсидев задницу. Поэтому, пока машину заправляли, я приплясывал рядом, разминая и ноги, и спину, и все прочее. А потом, после того как машина была готова к вылету, я побежал в столовую базы

перекусить.

Смена на базе была не моя, так что лица вокруг были сплошь незнакомые. Все привычно, кроме людей. И даже в моем трейлере, том самом, который я добывал в качестве «прописочки» на базе, жил сейчас кто-то другой. И вместо толстого, колышущегося за стойкой Джубала еду подавал другой парень, невысокий, тоже черный, но скорее атлетического сложения, выдававшего в нем любителя посещать спортзал, который как раз за столовой и начинался. А вот меню было прежним, оно на всех базах одинаковое, кем-то наверху утвержденное.

Слишком плотно есть не стал, решил вечером побаловать себя стейком в Баффало, так что оставил под него свободное место. Взял пару бутылок минеральной – пить в полете, и пошел обратно к машине. Связался с диспетчером, получил добро на вылет, разогнался и прошел над уже полностью построенным фортотом из контейнеров, разместившимся в конце полосы – моя вроде как идея.

За Грейт-Фоллз пейзаж резко изменился. Поля сменились горами, зелеными, заросшими лесом. Я вспомнил, что в «фоксбэте» есть парашют, который выдерживается из своего гнезда ракетой и опускает на землю тебя вместе с самолетом, если тот по какой-то причине отказался летать. Как раз под такой ландшафткой идея, потому что сесть здесь на вынужденную точно не получится, тут ни единого прямого отрезка дороги нет. А с парашютом хоть шанс появляется.

Но «фоксбэт» летел уверенно, мотор жужжал ровно, машина новая, так что даже думать о вынужденной посадке можно только в качестве упражнения для воображения. Ну и по моей привычке постоянно проигрывать в голове худшие сценарии из возможных и искать пути, как выпутаться из придуманных проблем. Вообще-то полезная привычка, иногда выручает.

А может, мне надо было не наверх карабкаться, а просто в летчики проситься? Я уже так ничего, вполне себе летаю, причем на все руки мастер, даже на вертолете могу. Маленький отрядный «робинсон» опять же вполне мне подчиняется, во время взлета и посадки сердце давно не замирает и дыхание бесконечно долго не задерживаю. И скоро вполне уже освою большой «твин хьюи». И попутно немного тренируюсь на «Белл-206», с ним вообще без проблем. У нас ведь вместо всяких продвинутых сертификаций все попростому теперь, умею или не умею, так вот я уже вполне умею.

Хотя нет, не помогло бы это, меня вычислят, слишком мало людей в анклаве, и все равно известно, откуда я появился. Разве что летчик может от всяких бед сбежать в любой момент, что подтверждается моим опытом побега из Гарден-Сити, так я теперь не один. И что-то летающее под рукой всегда есть.

Нет, все правильно я сделал, надо карабкаться, надо. Чем выше заберешься, тем сложнее скovyрнуть.

Стало заметно ветрено, приходилось корректировать курс, и я порадовался, что лечу с дополнительными баками. Время от времени ветер усиливался до довольно чувствительных порывов, дергавших легкий самолет, и я вспомнил, что Вайоминг как раз и знаменит своей ветреной погодой. Из-за этого внизу так часто попадают целые поля ветряков, вырабатывавших или даже вырабатывающих электричество. Помню, как мне рассказали, что электричество с таких ветряков стоило куда больше, чем от обычных электростанций, потому что ветер дует не когда надо, а когда хочет, и правительство обязывало энергетические компании покупать «чистую энергию» независимо от того, нужна

она или нет, и субсидировало это дело. Ну а где казенные деньги, там сразу много жульничества и коррупции, так что ничего хорошего от таких проектов не получалось.

Окрестности Баффало я запомнил хорошо и заходить на аэродром начал по знакомым ориентирам. Вызвал вышку, представился, получил разрешение на посадку. Подлетая к полю, удивился, как много всего летающего сюда натащили, все стоянки аэропорта были забиты техникой. Вертолеты так и вовсе базировались теперь чуть в стороне, на новых площадках из бетона, которых раньше здесь не было. То есть при мне уже были, но это именно что новодел, уже после всего случившегося соорудили местными силами.

Чуть в сторонке целое поле было выложено бетонными плитами, на плитах стояли ангары, а возле них рядами выстроилась вполне себе серьезная техника. Я и «брэдли» вижу, и вроде даже «страйкеры»... хотя нет, это LAV-25 и как бы даже не канадской расцветки, такой гладко-оливковый цвет, у американцев он отличается. Раньше я их тут не видел, откуда взялись?

Мне определили место для стоянки в самом дальнем конце аэродрома, но, к счастью, топтать к выходу чуть ли не два километра не пришлось, за мной прислали машину, зеленый потрепанный пикап, которым рулил мальчишка лет шестнадцати в кепке с эмблемой «Викингов». Я забросил «морскую сумку» с вещами и чехол с винтовкой на заднее сиденье машины, а сам уселся рядом с водителем.

– До ворот или подвезти куда-то? – сразу спросил парнишка.

– А куда можешь подвезти?

– Куда угодно, как такси, – чуть оживился он.

– Ранчо «Шесть бревен» знаешь?

– Конечно, я местный, – кивнул он.

Местный. Да, тут уже местные, хоть и не обязательно отсюда. А я все равно чужой, не важно откуда. И да, в любом случае я планировал искать «райд» до ранчо. Там в сарае стоит моя машина, а она мне сейчас пригодится. Да и в бар на ранчо неплохо бы зайти в надежде на олений стейк и приятное общение. Откровенно говоря, я малость соскучился по Бадю и Джо, да и по другим завсегдатаям этого места тоже.

Водитель оказался разговорчивым. Хуже, что темы для беседы он выбирал сам, а сбить его на что-то полезное с них не получалось. Поэтому я выслушал длинную историю про его соседа, который гнал самогон, про какого-то парня, который пропал в лесу два дня назад бесследно, отправившись подстрелить оленя, про собаку самого рассказчика, которая принесла щенят и которых пока не удалось раздать никому. Но вел он машину быстро, так что наслаждаться беседой пришлось недолго. Он подвез меня прямо к сараю, куда я указал, взял деньги – местные доллары, которых у меня немного осталось с моего пребывания в здешних краях, развернулся с пробуксовкой, не жалея машины, и уехал.

А я выудил из кармана связку ключей, нашел на ней нужный и отпер висячий замок на воротах сарая. Толкнул створку, открывая темное его нутро. Пахло прелым сеном и машинным маслом. «Тойота» стояла на том же самом месте, на каком я ее оставил, среди заброшенного сельхозинвентаря и всяких других артефактов умершего времени.

Аккумулятор разрядиться не успел, машина завелась почти что сразу. Мотор зафырчал, пару секунд подтраивая, а затем уже ровно и гладко. В любом случае я упрятал в ней пускач от ручной динамки, так что завел бы.

Открыл заднюю дверь кабины, вытащил оттуда винтовочный кейс, заглянул внутрь – все на месте. Тот самый камуфлированный «ремингтон R-25», который я нашел в *своем* доме

в Колорадо и с которым прорвался сюда, отбившись от всех врагов. Я даже погладил шершавую поверхность винтовки, словно заново вспоминая ее ощущение в руках. Четыре магазина на двадцать, четыре на десять. Прицел. Ремень. Все. Пусть так в машине и лежит, черт знает, вдруг когда-то снова понадобится?

До бара на ранчо отсюда было рукой подать, пара минут езды. Дело шло к вечеру, так что на грунтовой стоянке перед входом уже стояло несколько машин. Заведение было популярным среди местных, включая тех, кто стал местным пусть даже и недавно. Не надо далеко ехать, все всех знают, соответственно всегда есть с кем поговорить, точно знаешь, чем накормят и чего нальют. Как раз в моем стиле, пожалуй. Если бы только можно было этот стиль соблюдать, то есть поселиться где-то – и просто жить, ни от кого не скрываясь, не убегая, не ожидая беды.

Интересно, а с моим неожиданно выросшим сроком жизни – не надоест? Лет эдак за сто? Зная себя, могу сказать, что, наверное, не надоест.

Скрипнула дверь, запустив меня в помещение бара – самодельного, декорированного только оленьими головами на стенах и несколькими винтовками там же. В остальном все было проще некуда – самодельная стойка из досок, за ней такая же простенькая полка с бутылками. За стойкой дверь на кухню, где хозяйничала жена хозяина бара, Эрни. Жена была «нэйтив», то есть из индейцев, каких в этих краях всегда жило много, арапахо, шошоны, кроу. Сам же Эрни был невысок, тощ, лысоват и родился в этих краях. Таких, как и везде, уцелело немного, но именно в этом баре они составляли некий костяк местного общества.

– Глазам своим не верю, – ухмыльнулся Эрни, увидев меня в дверях бара. Даже ничего не спросив, он начал наливать пиво из бочонка. – Уже свое, сам начал делать, так что пробуй.

Варить пиво – идея хорошая, вне всякого сомнения. Скоро все придется делать, как размародеренные запасы алкоголя допьют.

Эрни поставил передо мной высокий бокал, из которого я сразу же и отхлебнул.

– Как?

– Отлично! – даже не покривив душой, показал я большой палец. – А Бад? Джо?

– Завтра здесь будут, сегодня они в городе, в Ассоциации ранчери что-то вроде приема и выборов.

Ассоциация ранчери? Тоже интересно, я о такой пока не слышал. А местный стейк тогда тоже на завтра переносится, получается, я сюда заехал как раз больше для того, чтобы с Бадом и Джо увидеться, а их тут нет.

Поэтому я допил пиво, пообещал зайти завтра вечером и вышел из бара к машине.

Отель «Оксидентал» был самым старым и самым солидным в Баффало. Стены с панелями и темными обоями, десятки старинных фотографий на стенах, мореное дерево мебели и стойки, диваны и кресла в стиле конца девятнадцатого века, то есть все выдержано в правильном духе.

Когда-то давно в нем останавливались Тедди Рузвельт – стрелок, охотник и впоследствии президент, знаменитый бандит Бутч Кэссиди, женщина-стрелок Каламити Джейн, которая и поныне считается легендой, Баффало Билл, в шоу которого она выступала со своими стрелковыми трюками, ну и менее известный нам Том Хорн – так называемый сток-детектив, выловивший и перестрелявший почти всех конокрадов и похитителей скота в Вайоминге и соседних штатах. Закончил он плохо – был ложно обвинен в убийстве подростка и повешен. Теперь фотографии всех этих людей украшали стену холла отеля наряду с другими лицами, менее известными, давая тебе возможность ощутить себя причастным к истории штата.

За стойкой сидела уже знакомая мне Луиса, пухлая мексиканка в модных очках и с кучей серебряных украшений, доброжелательная и улыбчивая. Именно Луиса, а не Луис, как обычно произносят это имя в английской версии.

– Надолго? – сразу спросила она.

– На пару ночей, я думаю, – потянул я из стопки бланк регистрации и взял ручку.

– Один?

Мы с Настей жили в отеле дважды: до того, как отправились на аэродром в Коди помогать местным добывать самолеты и после того, как оттуда вернулись. Одного меня Луиса пока здесь не видела.

– Да, один, это уже бизнес-трип, – кивнул я, быстро заполняя бланк своими каракулями.

– А как ваша жена поживает?

Луиса была в курсе истории с нашим воссоединением, которое произошло прямо в этом холле, у нее на глазах. Все было как в лучшем сериале, и она даже поплакала немного, поэтому ощущает себя в какой-то степени причастной к нашему семейному счастью, так сказать.

– Энис поживает прекрасно, сейчас учит летать других. Как у вас? – проявил я вежливость.

– У меня все прекрасно, спасибо, – заулыбалась она. – Хотите прежний номер?

– Мне и одноместный сойдет, если у вас есть.

– По цене одноместного, – заулыбалась Луиса еще шире.

– Тогда не откажусь.

Любопытно, кто владеет гостиницей сейчас? Вроде бы город. Просто за чей счет скидка, интересно. Но отказываться точно не буду. И номер был симпатичный, с видом на Мэйн-стрит.

Луиса забрала карточку регистрации со стойки и выложила взамен ключ.

– Спасибо.

Поднялся по знакомой уже неширокой лестнице в полутемный коридор, нашел свою дверь, отпер замок, вошел в комнату. Да, ничего не изменилось. Ну и времени прошло всего несколько месяцев, с чего вдруг меняться-то? Но ощущение такое, что был здесь лет десять

назад, столько всего произошло за это время.

Посмотрел на часы. Поплавски уже не в офисе, это почти наверняка, так что визит к шерифу откладываем на завтрашнее утро. Что я еще могу сделать умного сегодня? Надо бы Настю известить, что я нормально долетел. Спутниковых у нас в анклав нет, все номера под контролем у федералов, и все лишнее отключено, но есть что-то вроде радиотелеграфа с примесью пейджинговой связи. Отсюда в Колд-Лэйк идет телеграмма по радиосвязи, а там ее содержание перекидывают уже по внутренней сети на планшет через мессенджер.

Вот этим сейчас и займусь. И да, проеду мимо мотеля «Комфорт Инн», гляну, не появились ли возле него машины с пулеметами, бронированием и отметинами от пуль, все больше сверху. Если они там раньше останавливались, то почему бы не остановиться еще, верно?

Что забавно – в этом же самом мотеле селят чужих, которые добрались до обжитой части Вайоминга. И в этом же мотеле они ждут, когда их переправят дальше. И одновременно с этим... тут как-то вспомнилось, что в самый первый день моего появления в этих краях, как раз в баре Эрни, кто-то сказал о том, что федералы платят бандам, «Отверженным» и, кажется, еще кому-то, чтобы те срывали указатели у дорог, куда чужим идти.

М-да. А у меня теперь материал на «Отверженных» имеется – такие же беспредельщики, как и все остальные «синдромники». Скорее всего только поэтому федералы не платили им за отлов чужих – все равно не довезут, убьют раньше. Но если ты вообще завел отношения с такой мразью, то как бы и о себе впечатление создаешь вполне конкретное. Это как бывшая американская власть, которая «во имя демократии» с какой только уникальной сволочью не якшалась и кому только не платила. И, ирония судьбы, почти все «борцы за свободу» потом на американские же деньги поворачивались против Америки.

Ну да ладно, это в прошлом, но традиция все же осталась, похоже. И прослеживается.

Телеграф, как и подобает, находился в здании почтового офиса, возле которого совсем недавно возвели силами ополчения высоченную радиовышку. Мощности передатчика вполне хватало для того, чтобы говорить со всей Америкой, так что такие вот «телеграммы на пейджер» стали вполне распространенным способом связи, потому что единая телефонная система сохранилась не везде, а сотовая связь, если и сохранилась, то только изолированными друг от друга кусками.

Правда, этот телеграф отличался от тех, что остался в детских моих воспоминаниях, все же довольно сильно. Бланки телеграмм заполнять никто не требовал, ты просто платил, сам печатал свое сообщение на компьютере, писал, куда и кому. Разве что сам отправить не мог, потому что адресатов вызывать приходилось уже оператору, вручную. Но сообщение, с его слов, ушло, куда я и хотел, то есть на почту Колд-Лэйка.

Потом я поехал обратно в отель, сделав крюк мимо мотеля «Комфорт Инн». Машины возле него были, но среди них не было ни вооруженных, ни побитых пулями, ни бронированных. Просто несколько пикапов и пара немолодых внедорожников. И какой-то белый вэн с рекламой установки решеток на окна – быстро растущий бизнес по всему миру.

Подумал, не зайти ли пообщаться с персоналом на предмет узнать как можно больше о бывшем постояльце, но потом от такой идеи отказался – надо с шерифа начинать. Может, он и сам что-то об этих людях знает, а может, и поспособствует беседе с гостиничным менеджментом. Так что махнул рукой и поехал обратно в отель, все равно вечером в Баффало особо делать нечего, люди больше по домам сидят. А там хоть бар приличный рядом,

«Оксидентал салун», так что можно будет и перекусить, и пива выпить.

Развернулся и поехал обратно.

Стоянка у бара вызвала легкое такое дежавю – у самого крыльца стоял, аккуратно припаркованный, большой военный «хамви», небронированный и невооруженный. Как раз точно такой же стоял на этом же самом месте, когда я в первый раз подъехал к этому бару. И приехал на нем тогда Мартенсен.

Мартенсена я нашел ровно на том же самом месте, где и несколько лет назад, – на самом дальнем табурете у стойки. Он даже не слишком удивился, увидев меня здесь, просто вяло отсалютовал высоким бокалом с пивом. В прошлый раз мы пили «Корз лайт» из бутылок, так что ассортимент и здесь изменился, похоже, не только у Эрни.

Формы на командире милиции не было, он уже не на службе. Одет он был обычно для этих мест – джинсы, клетчатая фланелевая рубашка поверх майки с какой-то надписью. На толстом рыжем ремне в вышитой серебряной нитью кобуре висел огромный револьвер, по виду вроде как старый «сингл» кольт, но явно мощнее и массивней. В прошлую нашу встречу в этом баре я им сильно заинтересовался. Оказалось, что такие револьверы делали в городке Фридом, в Вайоминге же, и даже калибр так же патриотично назывался «Пятьсот Вайоминг Экспресс». Такие калибры специально создавались для того, чтобы от медведей отбиваться, а теперь они прекрасно действовали против тварей Тьмы.

Кстати, я, раз уж без винтовки сейчас, вооружился *своим*... в смысле из дома в Грэнби, пистолетом STI под калибр «10 ауто», то есть хоть и не гаубица Мартенсена, но тоже вполне впечатляющий, да еще и четырнадцать патронов в магазине.

Но это я уже так, отвлекся, просто увидел пушку моего собеседника в очередной раз, и понеслись мысли в лес.

– Прилетел перехватить Пикетта? – с легкой усмешкой спросил Мартенсен, заказывая для меня бокал такого же, как и у него, пива.

– Не совсем, – покачал я головой, усаживаясь на соседний стул. – Скорее даже совсем не за ним. А он что, здесь?

– Здесь. Вчера был здесь, по крайней мере.

Хм... а такую вероятность я как-то упустил в своем планировании. Так себе у меня планирование получается, если откровенно.

– И женщина?

– Женщину давно не видел, несколько дней уже, – чуть прищурившись, припомнил Мартенсен. – Но я ее видеть постоянно и не должен, так что ничего не скажу.

– А что Пикетт здесь до сих пор делает?

– Они хотят у нас организовать федеральное здание, вот и уламывает нашу власть.

Ага... пока только палец в рот тянут, не руку по локоть, но лиха беда начало. Вообще в Америке центральная власть в столицах штатов так и обитает, в одном здании. Там и налоговая IRS, и ФБР, и Безопасность отечества, и федеральный суд, и все остальное, что посылает в штаты Вашингтон. Посылал раньше то есть. Тимоти Маквэй как раз такое здание в Оклахома-Сити и взорвал, целясь убить порождения Сатаны из Вашингтона, и единственное, о чем он сожалел, – не знал, что в здании еще и детский сад был, для детей сотрудников всех этих ведомств.

И вот такое здание, как я понимаю, собираются завести здесь федералы. То есть вместо визитов и контактов получается постоянное присутствие и наблюдение.

– И опять вакцина как рычаг?

– Точно, – кивнул Мартенсен. – У нас ведь несколько тысяч синдромных, которые хотят жить нормальной жизнью.

Да, с этой вакциной федералы всех за горло взяли. И при этом у нее один-единственный источник – мы, чужие. Как-то не слишком справедливо получается, мне кажется.

Кстати, а тот факт, что здесь федералы крутятся, никак не связан с тем, что через городок проехали, остановившись здесь на постой аж на три ночи, четыре бронированных пикапа, которые потом крутились возле нашего анклава, демонстрируя не слишком хорошие намерения? Как знать, как знать... все возможно.

– А где он живет?

– Пикетт? – переспросил он.

– Да.

– Здесь. – Мартенсен показал на стену бара, подразумевая отель, который как раз за этой стеной и начинался. – В «Оксидентал». Ты тоже?

– И я тоже.

Во как. Хорошо, что хоть Мартенсен предупредил, а то столкнулся бы с Пикеттом в коридоре. Или здесь, в баре.

– Сюда он тоже ходит?

– Вчера был. – Мартенсен снова усмехнулся, наблюдая за моей реакцией. – Ты только не устраивай ничего, если его встретишь, шериф может не понять. И судья. А может, даже и присяжные.

– Я и не собираюсь, – совершенно честно ответил я. – Мы с Пикеттом были почти что друзьями. Не думаю, что он с тех пор сильно на меня озлобился, а я на него...

А я на него как? Да никак, вполне нормально к нему отношусь. Другое дело, что его активность в отношении меня совсем не нравится, но он на службе. Вообще неплохо было бы с ним поговорить, причем здесь, в Баффало, который еще можно пока считать нейтральной территорией. Именно что пока, получается.

Как узнать технологию изготовления сыворотки, а? Мы бы тогда смогли удержать Вайоминг по-прежнему нейтральным. И много других проблем можно было бы решить. Но где вообще эту сыворотку производят? В Форт-Сэме, в Техасе, где большая часть военно-медицинских учреждений расположена? Или в Форт-Худе, где по факту федеральное правительство сидит? Или где-то во Флориде, где держат отловленных чужих? Черт его знает, тут глухая тайна, что-то вроде категории секретности «Особой важности», или ОВ, как у нас именуется то, что секретней, чем «Совершенно секретно».

Хотя это выяснить можно, пожалуй, вряд ли это ОВ, я ставлю на Форт-Сэм, а вот технология производства – это да, это и есть тот самый волшебный ключ к власти. Ни один анклав не хочет оставлять за бортом множество людей, которые с этой сывороткой совсем от нормальных не отличаются. И пока федералы единственные, кто может эту проблему решать, – они на коне. Более того, решить ее навсегда невозможно, Синдром неизлечим, регулярный прием сыворотки просто продлевает период ремиссии, не более. Это как инсулин для диабетиков, хочешь жить – дружи с тем, у кого инсулин. То есть на игле сидишь, если проще.

– Тогда ты сюда зачем? – вернулся к своему первому вопросу Мартенсен. – Если это не тайна, конечно?

– Какие-то люди пытались разведывать границы нашего анклава. – Я решил тайны из цели визита не делать. – Когда были обнаружены с самолета, попытались уйти. Когда туда

подскочили мы на вертолете, они еще и отстреливаться начали. Мы повредили одну машину, и в ней остался убитый. Когда обыскали, оказалось, что они совсем недавно останавливались здесь, в «Комфорт Инн», на три ночи. Вот и хочу разобраться, кто это мог быть.

– А сколько всего машин?

– Было четыре.

Мартенсен задумался, поскреб подбородок с пробившейся к вечеру щетиной.

– Я живу рядом с мотелем и каждый день проезжаю. Что-то приметное в машинах было?

– Самодельное бронирование и пулеметы.

Он кивнул, явно найдя подтверждение каким-то собственным мыслям.

– Я их помню, как мне кажется. Только пулеметов на машинах не было, а так да, четыре пикапа, самодельное бронирование, довольно качественно сделанное, к слову.

– Мне тоже так показалось. – Я отпил пива. – Делали если не на заводе, то в хорошей мастерской.

Баффало – городок маленький, четыре таких машины легко запомнить, не так много сейчас приезжих и не все так кучеряво выглядят. Так что это можно считать показателем того, что эта группа не стеснялась. А еще это значит, что какая-то информация о них должна была остаться. Впрочем, иногда можно оставить о себе информацию намеренно, чтобы навести на ложный след. Так что посмотрим.

– На бандитов они похожи не были. Да и не сунулись бы сюда бандиты.

– На бандитов не похожи, – согласился я. – Убитый выглядел обычно, без всякого выпендрежа, не их стиль. Поэтому и удивился, потому что просто въехать в наш анклав никаких трудов не составляет, если ты ничего плохого не планируешь. А они почему-то начали убегать.

Мартенсен пожал плечами, сказал:

– Они уже могли что-то сделать. Захватить кого-то, например.

– Могли.

Тогда да, останавливаться для общения уже не стоило, лучше убегать. И убежали ведь по большому счету. Черт, а я не сообразил проверить списки пропавших и все такое, это не мое ведомство.

– На кого они похожи, на твой взгляд?

Мартенсен тоже приложился к пиву, подумал, потом сказал:

– Просто люди. Теперь везде просто люди, даже если они в форме, потому что те, кто кого-то напоминал раньше, вымерли. Служат вчерашние гражданские, в полиции тоже гражданские, так что не осталось никаких типажей. Или эти типажи вовсе не те, кем кажутся.

Тоже верно, так все и есть. Большая часть людей занимается тем, чем не занималась никогда раньше.

– В пикапе запасные канистры были? – вдруг спросил Мартенсен.

– Четыре, – вспомнил я.

И сразу сообразил, к чему вопрос: полного бака и четырех запасных канистр отсюда дотуда и обратно не хватит.

– Значит, у них где-то база. Верно?

– Очень похоже на то.

А почему мы до этого до сих пор не додумались? Да все потому же – дилетанты везде. И я дилетант на своем месте, потому что на самом деле никакого военного образования не имею и служил просто срочку.

Допили пиво, разговор свернулся как-то сам по себе. Мартенсен вообще немногословный, да и я тоже болтать не люблю. Попрощались, он ушел первый, я через окно видел, как отъехал «хамви». Я посидел еще пару минут, рассчитался и тоже пошел, в отель. Мысль одна появилась.

Луиса сидела на своем месте с книгой. Было уже темно, так что в холл я вошел после того, как она опознала меня через камеру и нажала кнопку домофона. Вечер, темнеет, так что меры предосторожности. «Световой тест» здесь еще не ввели, как в Углегорске, но так и Тьма здесь пока еще неполноценная, насколько я понимаю. Если станет полноценной, как там, – введут.

Я подумал, что при тутошнем развитии техники этот тест можно как-то по-другому обставить, то есть не самому светить фонарем, а чтобы светимый, или как там его назвать, смотрел на лампу, а на него смотрела камеры, а ты смотрел в экран на это все с безопасного удаления... ну как-то так, да.

– Луиса, у меня есть один вопрос...

– Да? – Она посмотрела на меня поверх очков.

– Здесь остановился Юджин Пикетт, правильно?

– Да. – Луиса не стала сверяться с компьютером.

– В каком он номере?

– В сто третьем, – все так же не задумываясь сказала она. – Он сейчас здесь, минут десять как вернулся.

Ага, это пока мы с Мартенсеном пиво пили.

– Очень хорошо.

– Ему позвонить? – предложила она.

– Сделаю ему сюрприз, – усмехнулся я, – если это не против политики отеля.

– Политику пока еще не придумали, – улыбнулась Луиса.

– Ну и хорошо. – Я улыбнулся ей. – Я его убивать не собираюсь, так что все нормально.

Мы с ним давно знакомы.

Пока поднимался по лестнице, не удержался – достал пистолет из кобуры, убедился в том, что патрон в патроннике. Взвел курок, стоявший до этого на полувзводе, включил предохранитель. Знаю, что не понадобится, но как-то чуть-чуть мандражно. Никакого плана у меня нет, я импровизирую на ходу и из-за этого не совсем понимаю, как может развиваться ситуация.

Коридор, тихие шаги по толстому зеленоватому ковру с каким-то узором, вот дверь с большими бронзовыми цифрами. Слышу телевизор за ней, в Баффало тоже свой местный канал имеется.

Постучал.

Дверь открылась без всяких вопросов, почти сразу же.

Точно, Пикетт.

– Привет. Искал меня?

Сюрприз получился. Такое впечатление, что Пикетт сначала глазам своим не поверил.

– Поговорим в номере или в бар спустимся? – нарушил я несколько затянувшуюся паузу.

Пикетт еще «в домашнее» не передевался. Он подумал еще несколько секунд, потом

протянул руку к вешалке, снял оттуда джинсовую куртку и кивнул:

– Пошли в бар.

В «Оксидентал салун» мы заняли столик, самый дальний, чтобы можно было поговорить. Я снова заказал пиво, а Пикетт попросил бурбон, причем в том виде, в каком я даже на вид не могу воспринимать – в маленьком толстом стаканчике, без всякого льда, воды или чего-то другого. Так здесь тоже пьют, а у меня при виде каждого глотка сердце сжимается. Просто виски с полки, не холодный даже, мерзость такую – и чуть ли не смаковать.

– Так зачем ты меня искал? – повторил я свой вопрос.

– Тебя и полиция в Гарден-Сити ищет. Липперс, угнанный самолет...

– Вот это не надо, насчет самолета. – Я прервал его, подняв руку. – Это мой самолет, я его нашел, и я его привел в порядок. Вы его просто забрали у меня, а потом посадили на него же пилотом.

Он попытался что-то вставить, но я опять его прервал:

– Да, платили зарплату, но именно зарплату я всю отработал. Оружие, что ты мне выдал, я оставил.

– Липперс, – напомнил Пикетт.

– С ним что-то ужасное случилось?

– Незаконное лишение свободы, ты его похитил.

– Как похитил, так и отпустил. Вы меня тоже похитить собирались, так что считай самозащитой.

– Мы собирались тебя похитить? – удивился он.

– Как всех чужих. Лишить свободы и отправить на Флорида-Киз. Это не похищение? Или оно у вас просто законное, поэтому не считается?

– Я не понял последнего заявления, – хмыкнул он. – Результат анализа подтвердил, что ты местный. В чем проблема? На кой черт ты вообще убежал? Никто ничего не понял.

Ни хрена себе. Анализ я тоже прошел? Это как? Хотя... тот я, что застрелился в Грэнби после смерти семьи, местный. А он... это же я, просто в другой реальности. То есть, по логике вещей, я вполне мог пройти тест. Или Пикетт врет, сбивая меня с толку, что тоже вполне естественно, потому что на его месте я бы тоже так соврал.

– Тогда зачем все эти поиски? Липперс ведь не пострадал?

– Нет. Если только морально. Но ему полезно. – Пикетт усмехнулся.

Ну хоть на этом спасибо, мог бы сказать, что в дом вломились твари и растерзали представителя федеральной власти в Гарден-Сити, штат Канзас, в мелкий винегрет. Тогда бы меня совесть мучила, а так нет, не мучит.

– И? Я насчет поисков. Ни за что не поверю, что вы гоняетесь за мной только потому, что я связал и запер Липперса, которого на дух никто не переносил из-за его занудности. В чем я не прав?

– Я ищу тебя из-за того, что ты мне тогда рассказал. – Пикетт с видимым удовольствием отпил виски из стаканчика, заставив меня сморщиться. – Что?

– Даже видеть это не могу. – Я показал пальцем на его стаканчик. – Неужели нравится?

– «Четыре розы»? – удивился он вопросу.

– Нет, пить в таком виде. Ладно, не задумывайся сильно, это у меня фобия такая. И вот ты меня нашел, что дальше?

Пикетт снова отпил бурбона из стаканчика, явно для меня, затем сказал:

– Предлагаю лететь со мной. Когда я здесь работу закончу, потому что я здесь вовсе не из-за тебя.

– Вот как... – кивнул я с преувеличенной готовностью верить каждому слову. – Ну ты скажи... А Люси здесь зачем в таком случае?

– Люси является военнослужащей Армии США. – Пикетт уставился мне в глаза. – И теперь ее перевели сюда, к новому месту службы.

– Это Территория Вайоминг, насколько я помню.

– Вайоминг входит в состав Соединенных Штатов Америки и официально отсюда не выходил. Так что юридически это наша территория. И правительство США намерено распространить свое влияние и на Вайоминг тоже.

– А что думает по этому поводу Вайоминг?

– Здесь думают по-разному. Но мы будем терпеливы, мы верим в добрую волю граждан нашей страны.

Прозвучало очень официально.

– Такое ощущение, что ты собираешься добиваться офиса^[5], – усмехнулся я. – Как будто речь предвыборная.

– Я действительно так думаю, честно. Мы не в силах контролировать всю территорию, нас слишком мало, но все равно оставлять ее безнадзорной нельзя. Вернуться уже не получится. И мы нуждаемся в некоторых территориях, жизненно нуждаемся.

– В каких именно? Чистое любопытство, – пояснил я.

– Небраска, Южная Дакота, например. Там и так всегда было мало людей, но они производили много кукурузы. «Кукурузный пояс».

– Из-за банд вы не сможете дать там людям безопасность.

– Не сможем. Банды надо уничтожать, чем быстрее, тем лучше. Ты же этим и занимаешься, правильно?

– Так насколько ты мной на самом деле интересовался? – засмеялся я.

– Я не говорил, что я тобой не интересовался. Я сказал, что здесь по другой причине, не из-за тебя. Но информация о тебе у меня есть.

– И она постоянно обновляется. – Я снова усмехнулся. – Интересно, сколько человек вы внедрили к нам в анклав? И что с ними делать, когда мы введем тест на «свой-чужой»?

– А что с тобой сделают? – Пикетт допил виски и сделал знак бармену, показав на мой бокал и подняв два пальца. – Ты же по анализу местный. Хотя Люси рассказала мне, что ты рассказал ей. То есть ты не совсем местный, а его дубль. Клон. Правильно?

Люси все же проболталась, но я ничего другого и не ожидал, пожалуй. По крайней мере, я ее бросил некрасиво, но я красотостей и не обещал. Я прекрасно, слово в слово, помню тот наш разговор, когда она предложила остаться у нее.

«Неужели ты думаешь, что я настолько ничего не понимаю? Просто не хотела на тебя давить... и сейчас не хочу. Просто даю понять, что я не против и это не влечет за собой никаких обязательств. Ни с твоей стороны, ни с моей. Заходи, я тебе еще дам время на обдумывание, можешь уйти, когда захочешь».

То есть вот именно так она и сказала, когда пригласила впервые остаться у нее. А я и остался, потому что для меня это был... ладно врать хотя бы самому себе. К тому времени я уже знал, что Насти у федералов нет. Люси мне дала возможность заглянуть в базу данных. Просто... просто вот так случилось. Потому что я почувствовал, что это совсем нехорошо

будет ее обмануть, она тогда и так была на грани срыва, и... мне кажется, что на тот момент я ее спас.

А вот верить ее словам про «никаких обязательств» все же до конца не следовало. Потому что обязательств, может, и нет, но у нее явно были чувства, а бросив ее, да еще вот так, просто смывшись, я эти ее чувства... понятно, в общем. Не важно, что она говорила, она не столько меня, сколько себя убеждала. И как мне показалось – не убедила. Не получилось.

Остается надеяться на то, что ее и вправду сюда именно перевели, хоть и верится в это с трудом. Ставлю все же на то, что они хотят заполучить меня без попыток идти войной.

Как бы то ни было, а говорю я сейчас не с ней, а с Пикеттом.

– Да, правильно. Дубль.

– И ты удивляешься интересу к себе? – Пикетт немного драматично развел руками. – Больше о таких, как ты, никто не слышал, ты все теории с ног на голову ставишь. С тобой хотят ученые поговорить.

– Ты знаешь, – вздохнул я, медленно вращая бокал на столе, – у меня очень плохой опыт с учеными. Последний ученый, который пытался изучать все вот это... – я изобразил некий маловнятный жест, – попытался меня убить. В целях подтверждения своей теории.

– И как?

– А я сам его убил на хрен, – сказал я, поглядев Пикетту в глаза. – Я не настолько люблю и уважаю науку, чтобы предоставлять себя для опытов. Особенно с того раза.

Глаза у него уставшие, к слову, он вообще немного осунулся с прошлого раза, когда я его видел.

– Наш мир почти умер, – сказал он. – Любая новая информация могла бы, может быть, помочь ему возродиться. Ты – новая информация.

– С удовольствием поделюсь знаниями, – не очень искренне улыбнулся я. – Пусть ученые прилетают... ну вот сюда, например, и здесь за пивом я расскажу им все, что знаю. Уверяю, что знаю я довольно много. Но на этом список доступных опций заканчивается. Мою кровь на анализ уже взяли, так что эту стадию можем смело пропускать.

Вот интересно, что на это ответит?

– Я передам им твое предложение. – Пикетт потер затылок. Похоже, что у него давление пошаливает.

– Кстати, а как ты оказался в Безопасности отечества?

– Во время Эпидемии меня туда... призвали фактически. С тех пор там и числюсь.

– Хм, – удивился я. – Всегда полагал, что ты какое-то городское официальное лицо.

– Гарден-Сити – федеральная территория, и права отдельных округов сильно урезаны сейчас, – пояснил он. – Мог бы и раньше спросить, я бы ответил, скрывать здесь нечего.

– Это, в сущности, не так уж и важно было, – пожал я плечами. – Почему те люди, что гонялись за мной в Южной Дакоте, устроили все то, что они устроили?

– Если команда проходит через много звеньев и в конце концов все поручается непрофессионалам, получается именно то, что ты видел, – усмехнулся он. – Была команда задержать тебя. Не ранить, не убить, не сжечь машину, а просто задержать. Поскольку людей там не хватало, обратились к местным «йаху», а те начали изображать ковбоев. Они много людей потеряли, кстати.

– Я знаю, – заулыбался я. – Не могу сказать, что я преисполнен скорби, если честно. Я вообще не люблю скорбеть о тех, кто пытается мне навредить, а у него не получается

и от этого он страдает.

– Никто от тебя скорби и не ждет. Дальнейший их поход с целью мести вообще был их собственной инициативой. Насколько я слышал, они нарвались на «Блэйдз»?

– И на «Блэйдз» тоже.

– Там, в Рапид-Сити, – явно вспомнил он, – атака тварей... это ты как-то ее организовал?

– Я, – не стал я отнекиваться.

– Как?

– Не скажу. Многие знания – многие печали. Зачем тебе?

– Хотелось бы знать. На всякий случай.

– Я принес с собой довольно много специфических знаний, но у меня нет мотивации делиться ими с вами, федералами. – Я отпил пива и отставил бокал. – К сожалению, я не могу рассматривать вас как дружественную силу, поэтому... ты сам понимаешь.

– Но мы тебе сила точно не враждебная. Мы никому не враждебны, кроме банд.

Я постучал себя пальцем в грудь, словно для того, чтобы никто не перепутал, что речь идет именно обо мне:

– Я считаю себя чужим, Пикетт. Тем самым, которых вы ловите под бредовым предлогом и увозите на острова, чтобы брать там у них кровь. Даже ваши собственные люди уже не покупают сказку про инфекционную опасность, или как там правильно это все называется.

Спросить у него про людей на пикапах? А смысл? Дело в том, что я не верю в то, что это именно федералы. Просто из-за не слишком умного поведения и странной техники. Федералы или отправили бы агентов, которые, никого не стесняясь, приехали бы в Колд-Лэйк, или обеспечили бы их техникой получше, какой сейчас как раз у них избытке. И какой вертолет с единым пулеметом никак не противник. А так что-то не сходится.

– Может быть, ты все же попробуешь с нами договориться? – Пикетту явно не нравилось развитие разговора. – Если тебе нужны какие-то гарантии, просто скажи какие.

– Гарантии чего?

– А гарантии чего тебе нужны?

Я пожал плечами, немного удивившись постановке вопроса, затем ответил:

– Хотя бы гарантии того, что я останусь там, где нахожусь сейчас. У меня нормальная жизнь, я хочу, чтобы она такой и оставалась.

– И что ты готов дать взамен?

– А что именно вам нужно?

Пикетт вздохнул, потом пригубил бурбона, затем сказал:

– Я не знаю, если честно. На твоём месте я бы для начала поговорил с кем-то из наших ученых. Он бы тебе сказал, чего они хотят, а ты бы сказал, чего хочешь ты. Логично?

– Где поговорил?

– Хотя бы здесь.

– Когда?

– Я уточню.

– Уточни.

За спрос денег не берут. Не знаю, что из этого выйдет, но, может быть, это способ как-то добиться того, чтобы меня оставили в покое?

– И что тогда насчет Липперса?

– Это можно решить, я думаю, – усмехнулся Пикетт.

– Кто будет принимать решение?

Пикетт молча показал пальцем в потолок, подразумевая высшие силы в бюрократической пирамиде.

– Но к моим рекомендациям прислушаются.

– И что ты будешь рекомендовать?

Фраза напомнила старый еврейский анекдот про «А перед вами выходят? Выходят. А вы их спрашивали? Спрашивал. И что вам ответили?»

– Это закрытая информация, – считай, что другим анекдотом ответил Пикетт.

– Где сейчас Люси? – сменил я тему разговора.

– Улетела в Гарден-Сити, будет послезавтра, предположительно. Хочешь поговорить?

– Не знаю. Возможно. Не уверен, что смогу здесь пробыть до послезавтра.

– Тебе все равно придется сюда прилететь как минимум раз. – Он пожал плечами. – Если собираешься о чем-то с нами договариваться.

– Да, наверное. Федеральным зданием вы уже обзавелись?

– Да. Пост-офис на Главной. Теперь будем там.

Почтовый офис – логично, это и так федеральное здание. Так, а прилечу я тогда уже не один, пожалуй. На всякий случай. Сейчас меня Пикетт не ждал, а вот тогда будут ждать. А я все же малость параноик. Может, это и плохо, но моя паранойя уже меня спасала, причем не раз. Так что пусть будет, я от нее не страдаю.

– А что вообще делается в Гарден-Сити?

– Вокруг стало тише, банды в основном добились. В город перебросили дополнительные силы и технику. Много. У нас даже «Спуки-2» теперь базируется, так что другие банды ту местность обходят очень далеко. Сильно прибавилось людей. Ты зря улетел, на самом деле вам бы с женой там место нашлось... а, – он усмехнулся, – ну да, Люси... С этим сложнее. Но у нас лучше, чем в вашем анклав. Мы сильнее, больше. Вам было бы лучше.

– Мне нормально там, где я сейчас. Действительно нормально. Я нужен людям, я приношу пользу, я живу как нормальный человек.

– И все это ты мог бы иметь и у нас. И ты тоже был нужен. Ты полностью окупал свое жалованье, на тысячу процентов.

Не могу сказать, что он не прав.

– Только я чужой, и рано или поздно меня увезут куда-то в лабораторию и поместят в клетку с морскими свинками. Даже если ты будешь против. Государство работает именно так.

Пикетт ничего не ответил, так что я счел, что он признал мою правоту. Он не самый верхний уровень принятия решений. Он даже их не принимает вообще, он лишь совещательный голос, да и то не везде. Все это могло быть реализовано лишь в одном случае – я бы нашел Настю сразу, и мы бы узнали, что анализ крови не показал, что мы чужие. Но это все из серии про ту бабушку, которая могла бы быть дедушкой.

Разговор с Пикеттом закончился мирно и спокойно, пожали друг другу руки и разошлись. Уже поднявшись в отельный номер, я подумал о том, что неплохо было бы срочно переехать куда-то еще, но потом рассудил, что это не поможет, если федералы решат меня найти. Просто подпер дверь стулом и кофейным столиком, а оружие положил к себе поближе, после чего уснул как младенец, без всяких снов. Правда, ночью один раз от стрельбы проснулся, но сразу же уснул снова, потому что стрельба по ночам – это тоже вариант нормы.

Утро одарило давно забытым ощущением – статусом командированного. А что? Проснулся в гостинице, прилетел по делу, скоро обратно улечу, жена дома ждет... нет, ну правда. Сейчас еще на завтрак пойду, а потом по делам, до вечера. А дела начнутся с Поплавски.

Завтраков а la buffet в отелях больше не осталось, но пару добротных блинчиков я получил, с кленовым сиропом и крепким кофе. В общем, на улицу вышел сытым и довольным жизнью. Утро было ветреным, что для Вайоминга стандартно, но все же солнечным и теплым. «Тойота» за ночь никуда не делась, так что через несколько минут я уже заехал на небольшую стоянку у офиса шерифа.

За дежурного в офисе сидела толстая женщина в туго натянутой на ней униформе, которая улыбнулась и поинтересовалась, чем она может мне помочь.

– Шериф Поплавски у себя?

– Договаривались о встрече?

– Нет. Заехал договориться.

– А как представить? – Она потянулась толстой рукой к телефону.

Представить не успела – Поплавски появился в дежурке сам. Без формы, но со звездой на плотной ковбойской рубашке и со все теми же лихими усами.

– Ну ты скажи, – заулыбался он, протягивая руку. – И каким ветром к нам?

– Исключительно чтобы поздравить с избранием, – соврал я не моргнув. – И больше ни за чем.

– Понятно, – кивнул он. – Тогда пошли ко мне в офис.

При прежнем шерифе в офисе был только флаг Вайоминга – синий, с ковбоем, горняком и бизоном, а теперь, при Поплавски, прибавился и полосатый американский. Интересно, это он сам так решил или влияние Пикетта?

– Тобой интересовались, – сразу сказал шериф, вытаскивая горячий кофейник из кофеварки.

– Кто именно? Пикетт или кто-то еще?

– Пикетт. Знаешь про него?

– Знакомы. Даже вчера поговорили.

– Что-то получили из разговора в результате?

– Что-то, – кивнул я. – По крайней мере, меня уже не ищут. – Может, и наврал. Но, наверное, все же не ищут, раз я сам нашелся. – Я сам кое-кого ищу.

– Кого это?

– Проезжали машины с людьми, как минимум четыре пикапа. Укреплены броней, хорошая работа. Все или часть из них останавливались в «Комфорт Инн» на три ночи.

Не помните таких?

– Помню. – Поплавски ответил без всяких раздумий. – Пикапы и два грузовика.

С турелями под пулеметы все.

Два грузовика... а грузовиков мы не видели вовсе. Где-то база, скорей всего. В грузовиках топливо и все прочее.

– А что за люди, откуда они?

– А что за интерес к ним?

– Они возле нашего анклава замечены. И вели себя странно. Убегали от воздушной разведки, начали обстреливать подлетевший вертолет. У них погиб как минимум один. – Я выудил из сумки файл, где были собраны копии всего, что мы нашли на покойнике, а заодно и его фото в разных ракурсах. – Вот он.

Поплавски хмыкнул, придвинул к себе по столу папку, открыл, некоторое время изучал.

– Калифорния... что ничего не значит, – пробормотал он. – После Всего Этого Дерьма люди перемешались... какие уцелели. Да, только счет из мотеля и зацепка. Федерального ай-ди на нем не было?

– Был бы – была бы копия, – показал я на папку.

– То есть откуда угодно могли быть люди. В мотель заезжал?

– Нет, решил начать с вас.

Поплавски задумался. Даже могу догадаться о чем: ехать со мной в «Комфорт Инн» или не ехать.

– Я сам туда съезжу, – вдруг заявил он.

– Со мной?

Поплавски опять задумался. Но потом все же решительно кивнул:

– Поехали вместе.

«Комфорт Инн» стоит на отшибе, практически за чертой города, по другую сторону двадцать пятого шоссе – главной трассы в этих краях. Двор обнесли колючкой и селили здесь за счет анклава Колд-Лэйк вышедших к Баффало чужих. Отсюда их потом оптом и забирали. Понятно, что и другим не возбранялось остановиться здесь на ночлег, но все же выбор людей на пикапах меня немного озадачил. Не то чтобы это прямо глаз резало, но как-то...

За дежурного клерка был тощий невысокий мужик в очках в архаичной черной пластиковой оправе и клетчатой рубашке. При виде шерифа он вскочил и словно даже хотел встать «смирно», но потом передумал.

– Привет, Джерри, – протянул ему руку шериф. – Сколько чужих у тебя сейчас?

– Четверо. На той неделе увезли пятнадцать человек.

Точно, прилетал рейс с новичками с неделю назад, было такое. Значит, еще трое за это время появилось? Неплохо для анклава. Жаль, я на маленьком самолете, не смогу этих прихватить.

– Ребят на четырех пикапах и двух грузовиках помнишь? – не стал откладывать вопрос в долгий ящик Поплавски.

– Конечно.

– Откуда они?

– Я так понял, что это какой-то анклав недалеко от федералов, – задумчиво сказал Джерри.

– Регистрировались они как?

Джерри взял толстую книгу регистрации и начал быстро перекидывать страницы.

Нашел нужную почти сразу, ткнул пальцем:

– Здесь не все, а только те, на кого оформлял комнаты.

– Откуда они?

Вообще вопрос был не в том, откуда они, а как они представились. Здесь при регистрации спрашивают, откуда приехал, но подтверждать это не просят.

– Йорк, Небраска. – Палец Джерри перескочил в последнюю графу. – Да, все оттуда.

– Моралес есть? – спросил я.

Моралес был. Счет у него, и комната была на него. Вот и вся информация. Не слишком полезная, но хотя бы теперь с гарантией знаем, что это именно та компания.

– Три ночи, – сказал Поплавский. – Чего они ждали три ночи?

– Не знаю. – Джерри покачал головой. – Спали долго, по вечерам пили, потом вдруг снялись и уехали.

– Пили здесь? – сразу уточнил я.

– Нет, где-то в городе.

– А сюда к ним никто не приезжал? Не искал их здесь?

– У меня ими никто не интересовался. Но тут кроме меня Эми работает, и кто-то мог просто знать, что они здесь живут, и ни у кого не спрашивать.

А можно встретиться и в городе. Там, где они пили, например. То есть это ничего не значит. Зачем они вообще могли сидеть в городе, если потом дальше поехали? Только ждать чего-то, как мне кажется.

– А где именно они в городе бывали?

– Я не спрашивал.

Но это как раз не проблема. В Баффало и в лучшие времена было не так много баров, а теперь их раза в два меньше. За полчаса можно все объехать и везде опросить персонал. Правда, рано еще, многие закрыты.

– А вели себя как?

– Тихо, спокойно.

– С чужими столкновений не было? – спросил Поплавский.

– Если бы были, я бы позвонил. – Джерри пожал плечами. – Нет, нормальные ребята, вполне вежливые.

– На кого похожи? – задал вопрос я. – Ну, там, ковбои, фермеры, солдаты... на кого?

– Да черт их знает, – немного удивился вопросу Джерри. – Работяги, на мой взгляд. Во всех небольших анклавах сейчас только работяги, им надо что-то есть, верно?

Интересно, что за анклав в Йорке, что в Небраске? Надо будет на карту глянуть. И не такой уж маленький анклав должен быть, как мне кажется, если могут себе позволить послать сразу шесть машин с людьми черт знает куда и черт знает зачем. Или это вовсе не анклав, но что-то другое.

Важный момент: бандитами они Джерри не показались. Никто из них. Да и в городе они крутились достаточно долго, так что, если с ними было бы что-то не так, их бы прижали. Люди теперь осторожные, к чужакам присматриваются.

– Ничего не забыли после себя?

– Нет, ничего.

На этом беседа и закончилась. Когда выходили, я увидел двух мужиков, молодого и постарше, вышедших в холл и обратившихся к Джерри. Почему-то подумал, что это именно чужие, вид у них был... черт его знает какой. А может, кроме чужих, сейчас в мотеле никого

и не было.

– Техники, я смотрю, у вас прибавилось, – вспомнил я виденное с самолета.

– Федералы подкинули, плюс притащили несколько «брэдли» из Айдахо. Там какие-то ребята оседлали арсенал Национальной гвардии, не дали взорвать и потом банды не подпускали. А затем к нам присоединились.

– А канадские «лавы» от федералов?

– Да. На них хорошо бандитов гонять, тем особо нечего противопоставить.

Это верно. Нам бы такие. И еще понятно, что федералы местную вольницу потихоньку берут в оборот.

Мы с Поплавски разошлись, но после двух часов снова поехали вместе, на этот раз по барам. Но узнали немного. Оказалось, что компания бывала в двух местах – «Ковбой салун» и «Сенчури клуб», но нигде ничем особым не выделялась. Играли в пул, пили, ни с кем не дрались, никаких встреч никто не заметил, потому что и не присматривался. В общем, на этом следы компании в Баффало стерлись, хотя я при этом уверился в том, что они чего-то ждали. Не отдохнуть же остановились на три дня, верно?

Ближе к вечеру выяснили, что они еще всерьез запаслись дизельным топливом, закупили несколько бочек в городе. Но опять это мало что дало, потому что я и так догадывался, что топливо у них с собой есть. Все.

Что в итоге полезного? Ну, грузовики разве что. Подтвердилась идея Мартенсена о том, что они оборудовали базу. Где? А черт его знает. Где-то. Зачем? Кто бы мне сказал.

В общем, вечером я все же поехал в «Шесть бревен». Пока ехал по шоссе, надо мной прошел патрульный самолет – местные тоже воздушную разведку наладили. Поплавски сказал, что банды активизировались к лету, было два крупных рейда за последние месяцы. Особого успеха они не достигли и ущерба не нанесли, но напряженность повысили. Они даже могли быть своеобразной разведкой боем, попыткой прощупать систему обороны Баффало. И кстати, оба рейда были засечены с воздуха именно патрульными самолетами, так что эта система работает везде.

Возле бара стояло несколько машин, внутри было даже шумно. На этот раз здесь были все. По крайней мере все те, кого я хотел видеть. Бад Мак-Лири восседал на своем привычном табурете на углу стойки, Джо по обыкновению сидел рядом с ним. Жена Бада, Мел, крепкая блондинка лет сорока, одевающаяся как ковбой, сидела на этот раз в углу за столиком, болтая о чем-то еще с двумя женщинами примерно ее же возраста.

Первым меня заметил Джо. Он встал с стула, раскинув руки, мы обнялись, похлопав друг друга по спине. Хоть знакомы мы с Джо и недолго, но пережили вместе достаточно, иным так и на две жизни хватит приключений.

– Надолго? – спросил он.

– До завтра. Через неделю снова появлюсь. Примерно через неделю. Бад!

Толстяк протянул мне руку для рукопожатия, затем сказал:

– Надеюсь, что ты одумался и будешь теперь работать на ранчо.

– У вас теперь целая ассоциация, как я слышал?

– Точно. – Бад жестом показал бармену, чтобы тот налил мне пива за его счет. – Нефть и мясо, они нас и кормят. Продвигаем своего человека в губернаторы.

– А много ранчero из бывших уцелело?

– Нет, считай, что трое, но есть еще люди, которые этим делом занялись. Земля ведь

пустой осталась.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Out, go out – пойти развлекаться (*англ.*). – *Здесь и далее примеч. авт.*

NODLR (Night Observation Device, Long Range) – прибор для ночного наблюдения на больших дистанциях. Инфракрасный прибор, также используется в условиях плохой видимости и сильного задымления. Внешне напоминает старинный фотоаппарат на треноге.

Банги-корд – резиновый шнур с крючками для крепления груза в машине или где попало.

Ведение снайперского огня с вертолета (*англ.*).

Run for office – баллотироваться на выборах (*англ.*).